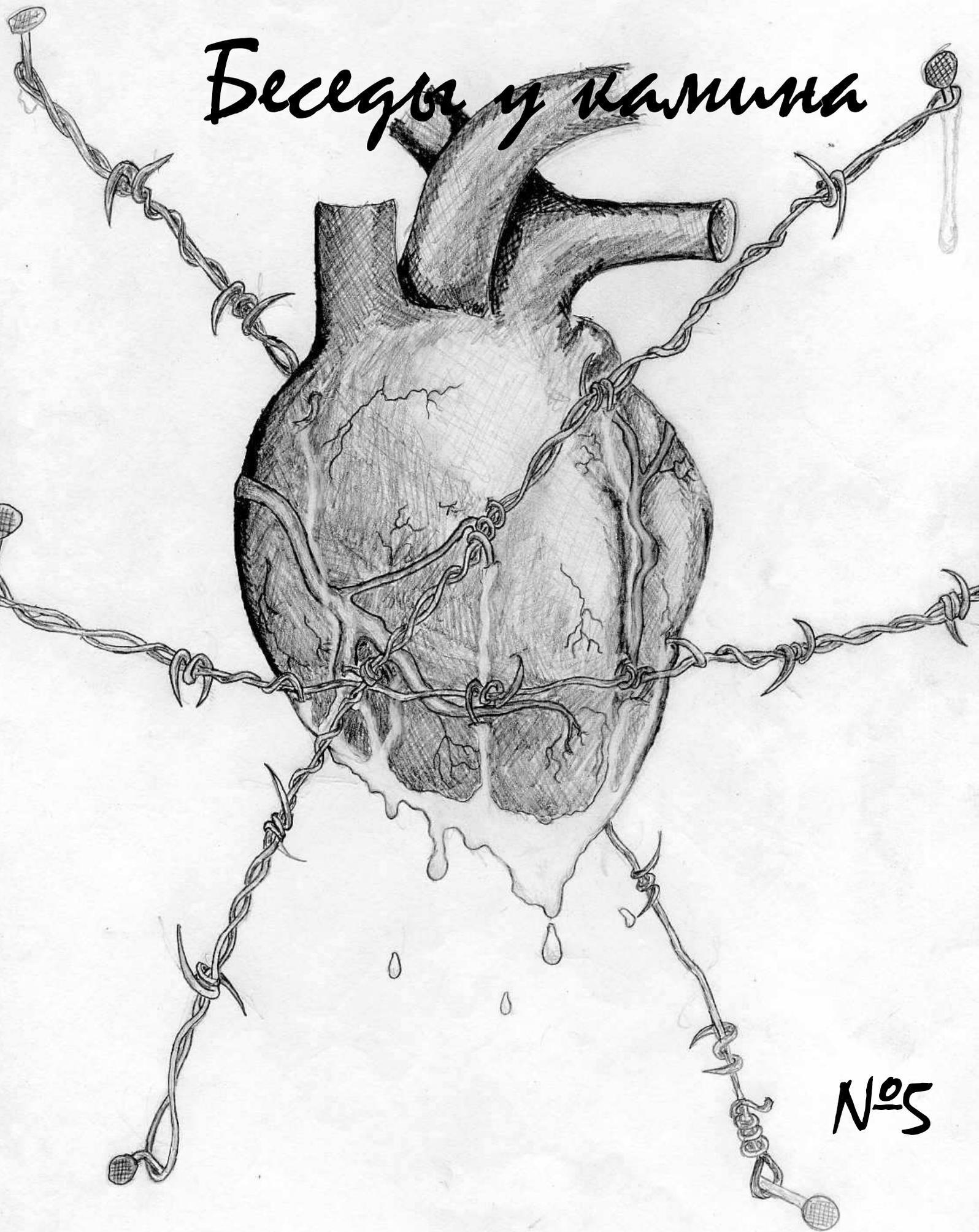

Беседы у камня

№5

U.S.F.

От редакции

2

Стихи

Луиза Мударова	8
Наталья Дичева	10
Elegance Мах	10
Сергей Бондаренко	14
Инна Яковленко	20
Артем Бажин	24
Артем Вахрейн	24
Кирилл Веприков	24
Ирина Бондарева	35
Игорь Пикулин	40
Артем Мизиряев	41

Проза

Лариса Вер	5
Алла Эгон	9
Большаков Якав	12
Татьяна Чехова	13
Светлана Тупало	15
Алекс Сидоров	25
Владимир Кузнецов	29
Ирма Горте	33
Геннадий Заднепровский	36
Роза Гольман	42
Виктория Гормакова	46
Михаил Соболев	50

Рисунки

Илья Кузнецов	Обложка, 7,
Евгений Беем	11, 17
Семен Сахно	17, 32, 45

Рубрики

Поэтический конкурс	3
История Языка	
Народная этимология	18
Наши друзья	
Конкурс «Крик»	21
Выбор читателя	56

Здравствуйтесь, дорогие читатели!

Собран, сверстан и отдан на раздачу пятый номер электронной газеты «Беседы у камина». Это своего рода рубеж, с успешным прохождением которого мы с вами можем поздравить друг друга. Пятый номер — маленький юбилей, маленький праздник и у редакции, и у авторов, которые публикуются в «Беседах у камина», и у вас, дорогие наши читатели.

В этом номере мы собрали множество новых и интересных произведений. В том числе, вашему вниманию представляются отрывки из двух повестей. Первая повесть «Из глины» - это фантастический взгляд на один из вариантов человеческого будущего, затрагивающий актуальные и сегодня проблемы: перенаселение, генную инженерию, психотропное оружие и кое-что еще.

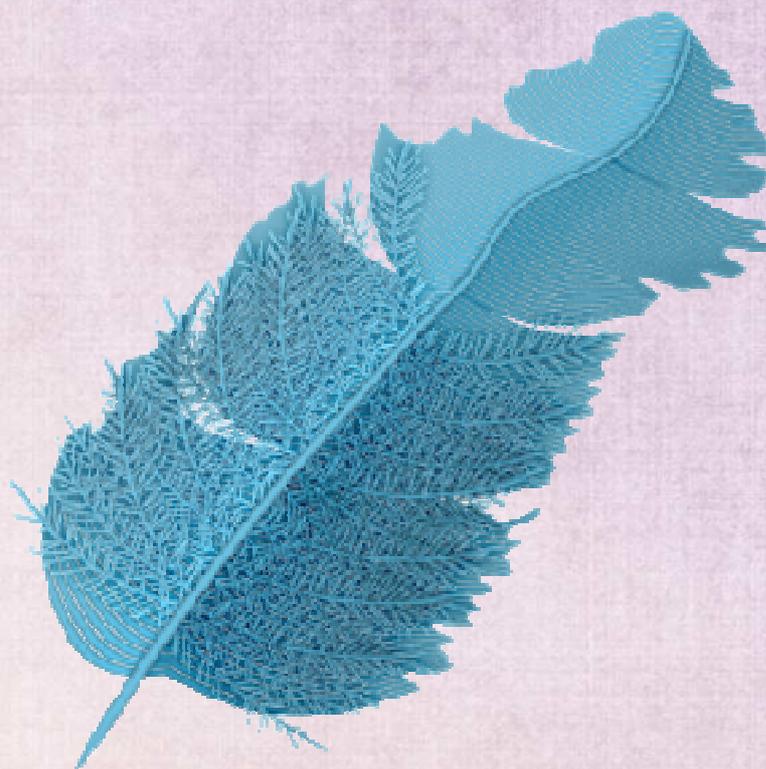
Вторая повесть рассказывает о взаимоотношениях между родными, но далеко не всегда близкими людьми, и о том, что всем нам нужно уметь прощать. Называется она «Дневник моей бабушки».

Кроме того, вас ожидает второй выпуск рубрики «Интересные факты из истории языка». На этот раз рубрика посвящена народной этимологии и не всегда очевидному происхождению слов.

В пятый номер вошло также несколько произведений-победителей различных конкурсов и опросов. Во-первых, вы встретите два стихотворения-победителя поэтического конкурса, который проводила наша газета. Кроме того, в номер вошло произведение-победитель дружественного нашему изданию литературного конкурса Крик - рассказ «Эффект 2000» Бориса Артемова. Ну и, конечно, на страницах номера вы увидите ставшую уже традиционной рубрику «Выбор читателя». На этот раз она состоит из двух частей: стихотворной и прозаической.

Иллюстрируют номер рисунки молодых хабаровских художников. Желаем вам приятного прочтения!

Редакция БУКа.

В мае этого года наша газета проводила поэтический конкурс. Конкурсантам были предложены картины великих художников в качестве темы для произведений. Победители определялись в два этапа: сначала творения конкурсантов оценивало жюри, затем, лучшие по оценкам жюри произведения оценивали читатели.

Вашему вниманию представляем стихи двух победителей конкурса: лучшее произведение о оценкам жюри и лучшее по мнению читателей.

Тамара Кошелева

На извержение Талбачика

(Лучшее произведение по оценкам жюри
По картине Брюллова «Последний день Помпеи»)

Друг-геолог, предвестник удачи,
Лихо хлопнул меня по плечу:
- Я сегодня лечу на Толбачик.
Ты летишь? - Ну, конечно, лечу!

Как титан, вырываясь из плена,
Он и яростен был, и суров,
Он, казалось, вершил во Вселенной
Апокалипсис всех катастроф.

К чёрту! К чёрту работу и планы,
Что на вечер намечены мне!
Я сегодня упряюсь самым главным,
Что не явится даже во сне...

А наутро, вздыхая, и тужась
Успокоить волнение моё,
Милосердно прикрыл этот ужас
Белым паром кипящих ручьев...

В ожидании сумерек серых,
Под моторный натруженный стон,
Забирая всё дальше на север,
Мы летим над Срединным хребтом

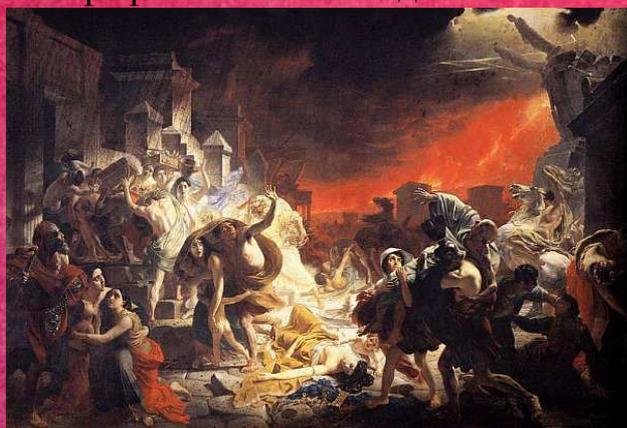
...Представляя картины былого,
Гибель наций, народов и стран,
Я стою у картины Брюллова,
Вспоминая камчатский вулкан.

Здесь, в порывах студёного ветра,
У обрыва, на самом краю,
Я стою в сорока километрах,
А как будто бы рядом стою.

Здесь бушует оттенков палитра,
И мешается красками в ней
Апокалипсис древнего мира,
С катастрофами нынешних дней.

Наблюдаю картину пожара,
И трепещет во мне каждый нерв
От виденья ночного кошмара
Вдруг огнём расплескавшихся недр.

Мы – последние здесь могикане
На сто вёрст – без руля, без ветрил.
Бог Вулкан, колдовавший в вулкане,
Он наверно не знал, что творил.

Тина Кошкина

«Яд проникал...»

(Лучшее по оценкам читателей
На картину Айвазовского «Ледяная гора»)

Яд проникал
глубоко
под кожу,
10 минут до небес.
Ты уплывал
далеко,
и всё же
мысли попутал бес.
Ангел побед
на далеком фронте
звал поиграть в войну.
Солнечный свет
на последней ноте
мерил твою волну.
Ты победил.
Нелегка победа.
Лавры теперь твои.
Ты уходил
на восход,
на лето,
за море,
за корабли..

Лариса Вер

Женская смена

Цок, цок, цок-цок.... Каблучки задорно стучали по асфальту вечернего курортного городка. Аллочка спешила домой, к своим дочуркам, но в голове настойчиво вспыхивали картинки только что прошедшей вечеринки в честь открытия нового филиала... Ах, а она была сегодня необыкновенно хороша! Новые туфли не подвели – все зажигательные мелодии Аллочка была в центре круга, прическа вообще произвела фурор, а, уж сколько комплиментов она получила своему «необыкновенному, очаровательному, от лучших модельеров Польши» платью, которое она, ха-ха, вязала крючком всю весну и часть лета! Только это ведь необязательно сообщать всем женщинам-коллегам? Можно таинственно промолчать, опустив глазки долу, в ответ на заданный вопрос о том, кто привез и откуда и почему....

Цок-цок.... А Виталий мил, очень мил. Он улыбался ей весь вечер, галантно ухаживал за столом, подносил все новые бокалы с вином. Зеленые глаза смеялись, улыбались, кокетничали с ней четыре часа подряд. Аллочка и сама всегда готова пофлиртовать, так что с удовольствием ему подыгрывала. Хотя...м-да.... жаль, что у него есть жена. Да, еще и такая гримза. Весь вечер стреляла в Аллочку глазами так, что была бы постыдливей – провалилась сквозь пол. И почему все красивые мужики заняты?

И Андрей Васильевич ей понравился, совсем не такой уж он занудный, как на работе...

Цок-цок.... Вечерняя прохлада забиралась в рукава, заставляя женщину иногда ежиться. Ветер шевелил прическу, заигрывая светлыми локонами, сбежавшими из-под заколки. Но изнутри грел такой жар флирта, вина, танцевальной горячки, что ноги сами несли ее по кривым кисловодским улочкам, а глаза сияли. Иногда для поднятия настроения женщине нужно совсем немного: поданая вовремя рука мужчины, завистливый взгляд другой женщины, бокал вина... И вот, уже мир светится совсем другим светом. Хочется петь, веселиться, обнять своих девчонок крепко-крепко. Ну и пусть они уже пять лет живут чисто женской компанией. Ну и пусть папа сбежал от дочерей, забрав из их квартиры все, что поместилось в два грузовика. Ну и пусть Аллочке приходилось выть по ночам от безысходности и боли, унижения и простого безденежья. Это все позади! Они справились! Смогли! Выдюжили!

Тук-тук, тук-тук... Звук шагов в ночной тиши отскакивал от стен и возвращался обратно горохом ей же под ноги. Фонари освещали радостно летящую фигурку, а тень только успевала возникнуть от каблучков ее туфель, вырасти до геркулесовых размеров, и испуганно таяла перед следующим фонарем...

- Ай-яй-яй!!! Разве можно так поздно и без охраны? – мужская рука поймала ее локоть. Аллочка вздрогнула – его приближение она совсем не услышала, но вид мужичонки ее нисколько не напугал. Низенький, лысенький, с добрым взглядом старшего брата

- А вы набиваетесь в охранники?

- Нет. Но могу составить компанию и немного проводить.

- Мне совсем близко. Справлюсь сама.

- Ну, как изволите.... Меня это не затруднило бы. Кстати, меня зовут Вениамином.

- А я промолчу, как меня зовут.

- Счастливо, незнакомка! – и он ускорил шаг, который оказался на удивление легким и бесшумным.

И почему на улицах пристают всегда низенькие и лысенькие? И ведь практически все окольцованные. За Аллочкой всегда был шлейф из статных брюнетов, очаровательных блондинов, грузинов, черкесов и даже латыш один маячил как-то полгода. Но все они были рады лишь легкому общению, не утруждая себя даже мыслями о чем-то более серьезном, чем поездка на пляж или вечеринка на двоих. А дочек надо поднимать.

Аллочка научилась так ловко разговаривать с мужеским полом, что не она оказывалась в его сетях, а они, ухажеры, обнаруживали себя с кисточкой и банкой

краски под потолком квартиры обаятельной говорушки Аллочки. Столько всего надо

сделать! В четверг Артур помогает довести и расстелить ковер (Аллочка после его кормит и поит исключительно армянскими блюдами), в пятницу - Миша помогает Светке, это младшая, с математикой, пока у Аллы все шипит и шкворчит на плите, а суббота – день, посвященный только им, дорогим и любимым девчонкам. А ухажеры... Коты. Но ведь и она – кошка, которая гуляет сама по себе. Хи-хи... Поматросила и бросила их раньше, чем они ее.

Аллочка поправила сережку в ухе, вдруг вспомнив слова Алевтины: «Ты не боишься ходить по городу так поздно и... не снимая украшений?» И только сейчас в один миг Аллочка ощутила все золотые радости на своем теле: цепочка на шее, два кольца на руке, турецкие серьги в ушах. Что-то ее это никогда не заботило раньше! В чем дело? Холодок пробежал по спине, трезвя голову. Своей спинной интуиции она всегда доверяла, и та ее никогда не подводила. Начальство ли расхаживает по кабинету, готовя ей разнос; соседка ли новую кляuzu состряпала и жаждет ей сообщить; или вот как сейчас – кто-то пялится ей в спину недобрым взглядом... Тополиная аллея заканчивалась. Впереди Строительный переулок, а за ним ее дом. Осталось чуть-чуть....

- Тсс... Не шуми. Сумку давай и беги.

Рука, волосатая, мерзкая рука высунулась из-за последнего тополя и схватила сумку. Но, скорее от страха, чем из-за чего-то другого Алла вцепилась в сумку так, что даже мужику ее не вырвать.

Огромная пьяная морда показалась из тени тополя.

- Дай!

- Не-а...

- Корова, отдай сумку!

- Нет!

- Тогда и цапки золотые сымай. Раз ерепенишься.... Ну? – Бросив направо-налево быстрый взгляд, мужик полностью вышел из тени, перегородив дорогу.

Сердце билось в груди, пальцы у женщины и рады бы разжаться, да не получалось. Заклинило. Господи, как же быть? На дороге – ни души, помощи ждать неоткуда. В висках стучит отсутствие мыслей... Вонючее дыхание нападавшего еще больше парализовывало сознание. Бежать? Расплакаться? Разжалобить? Секунды бьют по голове, зловоние все ближе... И, как всегда, ни одного мужского плеча в трудную минуту. О! Как его там?

- Венечка! Ты куда ушел так далеко? Веня!!!

Крик был такой отчаянный, такой громкий, что мужик от неожиданности отпустил сумку. Алла всхлипнула и снова проорала, понимая всю безнадежность ситуации:

- Веня!!! Муж!

- Да, дорогая. Почему ты так отстала? – Низенький попутчик снова бесшумно возник рядом. Как будто и не уходил далеко вперед. И, не глядя на метнувшегося снова в темноту пьяного мужика, взял Аллочку за руку, как испуганного ребенка, и повел дальше по аллее. Вот только ноги у женщины совершенно не шли, каблучки цеплялись за воображаемые препятствия, руки тряслись, а губы предательски дрожали.

- Спасибо. Я вам так благодарна, - губы никак не хотели улыбаться.

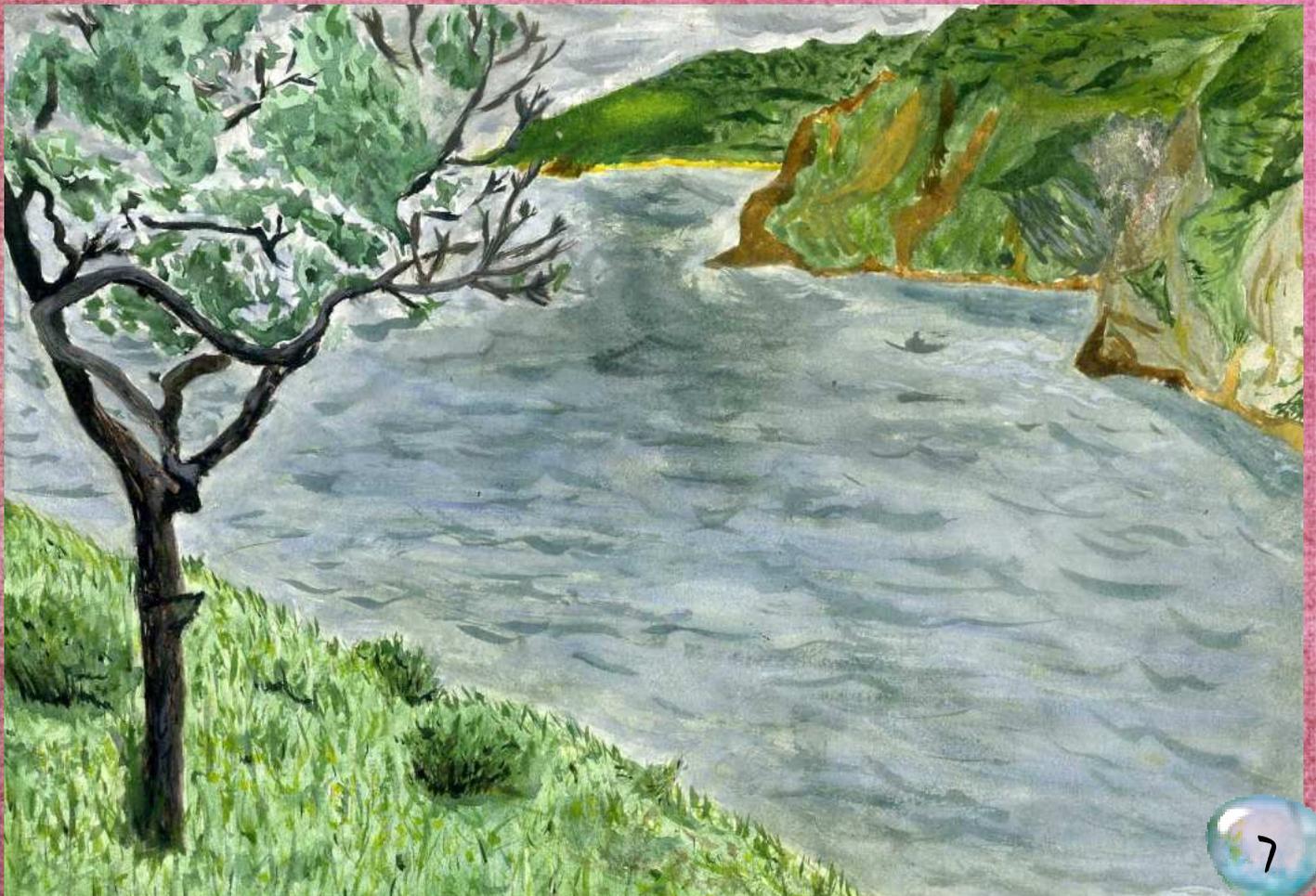
- Теперь, ну хоть в качестве вознаграждения, я могу узнать Ваше имя? Чтобы прошептать его, засыпая?... - Вениамин имел интересную способность: он улыбался глазами. А все лицо оставалось серьезным. И как это Аллочка раньше не замечала, что это так обескураживающее замечательно!

Двадцать лет они жили, душа в душу. И всем рассказывали о том, как они познакомились.... А еще: всегда и везде они ходили в месте, держась за руки...

Урба Кызнегереб

Обострение

Весенне-летнее обострение

У тех, кого я добровольно впустила
Под кожу, под рёбра. И в каждом движении
Каждый пытается доминировать.
Особенно ты. И в своём этом рвении
Пытаешься сделаться гением святости.
Но только немного подводит сцепление
Чувства, которое на безымянности
Чёрным квадратом Малевича-Татлина
В палец внедряется нежностью-верностью...
Хочется к морю, а после по Выборгу
На двухколёсном по закономерности.
Хочется лезвием - строго по гордости,
Чтобы бок о бок стремится к звучанию
Наших с тобой голосов. В них аккорды все
Строятся в ряд образу слияние...

Остабь

Снег, а я ещё не повалялась в осенних листьях.
И мой пробег начинает стираться под тяжестью мыслей,
а ты так далеко, дальше конца света,
что не дотянуться прохладной кистью до тебя.
Мой человек. я точно знаю ты - мой человек.
Ты дышишь со мною в такт через города-планеты,
взгляд в телескоп является нашим секретом с тобой,
но ты будь. я достану-найду-обрету тебя снова осенью-летом.
Буаляю покрыты глаза, тело в цыпках, сырые крыши где-то
намекают на отсутствие признаков жизни на ней. совсем не одетой,
совсем как моё сердце голой, под этим обидчивым ветром
снаружи. и книга лежит на столе с закладкой в том месте,
когда "мы" для нас означать перестало "быть вместе".

Алла Эгон

Летние Акваари

...а я тоже была на природе. Там, где по утрам выпадает роса. Там, где над рекой туман. И я бегала по молодой траве босая и голая, а нежные капли обжигали моё тело. А потом, укутавшись в мягкий плед, я сидела у камина и смотрела, как огонь превращает сухие ветки в пепел для того, чтобы отдать мне свое тепло.

Я ела свежеспечённый хлеб. Откуда он взялся в этой глуши? Да мы испекли его сами! Я черпала первый мёд из расписного бочонка и намазывала на душистый ломоть, слизывая с пальцев и ладоней нечаянно оброненные сладкие капли. Я пила парное молоко. Какая там диета!

А по ночам с неба там свисают огромные звёзды, вечные в своём постоянстве. Уже тысячи лет они указывают путь заблудившимся путникам и отважным мореходам. Я смотрела на этот бесконечный звёздный мир и думала о том, как же велик и мудр Создатель, сотворивший всё это! И как же добр, что дал нам возможность видеть, слышать, дышать... давать жизнь, любить весь этот мир! Здесь, под звёздным небом начинаешь ощущать себя живой частичкой бесконечного мира под названием ВСЕЛЕННАЯ. Какое огромное слово! В нём есть место всему: и мне, и тебе, и Земле со всеми её философиями и религиями живыми и ушедшими, и другим мирам живым или когда-то жившим, и тем, что ещё не родились. Кто знает, может быть сейчас, такой же звёздной ночью где-то далеко-далеко другой разум в непохожей ни на что мне известное оболочке, а может не так уж и далеко и не так уж совсем не похожий на нас, вглядывается в небо и думает о вечном...

- Малышка! Иди в дом, замёрзнешь!

И было белое вино, вкус и аромат давно прошедшего где-то там, на юге Франции лета. И скрипка пела то нежно и одиноко, то терялась в бурном потоке звуков взрывающегося оркестра. И не загоревшая свеча так и осталась гореть, пока не растаяла вся, до конца, и сама не погасла.

Наталья Дурова

Подсознание - разбитые стекла

Мед акации нежно прольется,
как нектар из ладоней небес,
с терпким вкусом весеннего солнца,
как вода из святого колодца,
как фата белокурых невест.

Ароматом весь мир исцеляя,
сладким снегом усыпав траву,
это, будто кусочек от рая,
красота нереально-земная
дарит сказку весны наяву.

Лепестки мотыльками из счастья
вздохом ветра ворвутся в окно,
очищая мечту для причастья
соком пряной чарующей страсти,
подливая в рассвет молоко.

В небесах уголки преисподней,
только слиплись пути и дороги.
Поломается солнечный посох,
как надежды пустой отголосок.
Судьбе снова сдавать экзамены,
позабылись слова все мамыны

Взгляд разрежет окно на три части,
что же надо нам, людям, для счастья?
На мольберте смешались вдруг краски,
душа нервно боится огласки.
Как щенок, по дождем вся промокла.
подсознание - разбитые стекла.

Стихи ровной ложатся строчкою,
рядом боль - одиночества дочка.
Луна волком устало завоет
в облаках над безветренным полем.
Это просто гроза, успокойся,
после будет палящее солнце.

Elegance Max

Руки на небе держат младенца
Крестить. Молчит весь Китай.
Мне, случайному иноземцу, -
Просто ходи и читай...

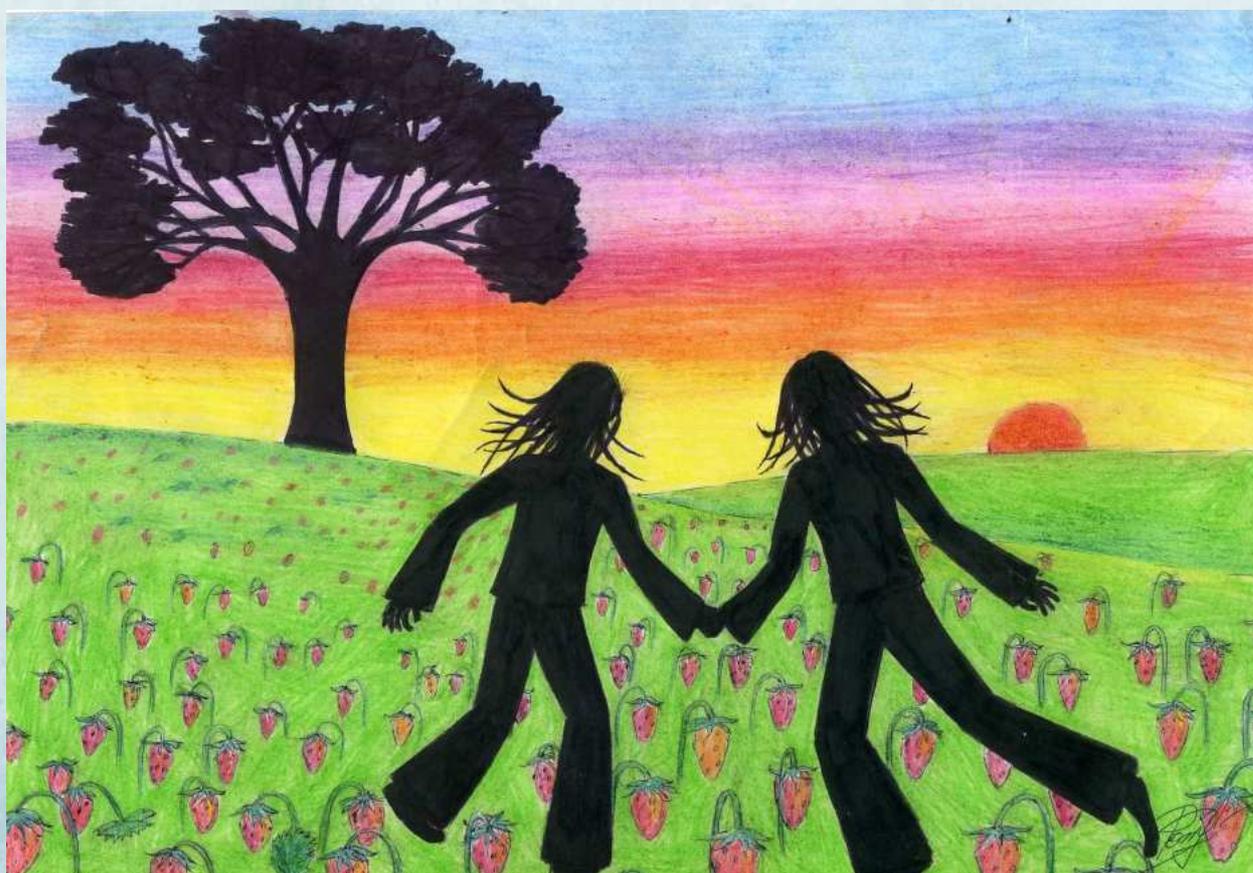
Шум голосов, как тетрадка в клетку.
Забыта лежит, пуста.
Только времени непослушный вектор
Заденет чуть край листа...

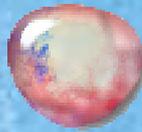
Слово изваливают в муке,
Чтоб пелось чуть слышно
На раскаленном языке
В мире податливо пышном...

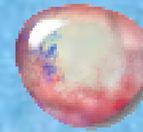
Евгений Бем

Зеленая погрозна

Барышанов Яков До свидания, рыбка!

- Мама, можно я рыбку в ручки возьму?

Крохотная девчушка лет трёх-четырёх, вся светленькая, с глазами – васильками, стояла у кромки берега по коленки в воде. Слепящий диск полуденного июльского солнца висел над озером, лучами пронизывая толщу чистой воды до самого дна. На Карельском перешейке стояло лето. «...Остроконечных елей ресницы над голубыми глазами озер» - это про эти места. И было голубое с зеркальной поверхностью озеро, и стояли темной стеной ели вокруг него, и ещё было удивительно спокойно и тихо. Казалось – время остановилось, остановилось, чтобы и этот миг, и темный лес, и блестящая водная гладь, и яркое солнце в зените навсегда отпечатались в памяти у каждого, кому посчастливилось отдохнуть в эти жаркие дни на берегу Чудного озера.

Мама, очень молоденькая и симпатичная, с точеной фигуркой, слегка прикрытой бикини, белокожая и такая же светловолосая, как и дочка, подходила к девочке, осторожно переступая босыми стройными ногами по песку, усыпанному сухими еловыми шишками. Вслед за ней направлялся к озеру и пожилой загорелый мужчина, по всей видимости, дедушка малышки. Скорее всего, у деда где-то здесь неподалёку была дача, а дочь и внучка приехали из города к нему на выходные отдохнуть, позагорать и искупаться.

Девочка стояла на мелководье в совершенно прозрачной, выветленной солнышком воде, и наблюдала за маленькими рыбками, молодью окуньков, которые бесстрашно плавали буквально рядом с ней, то стайками, то порознь.

- Мааама, ну можно я рыбку в ручки возьму, мааама, ну можно?

- Ну, возьми, - женщина засмеялась, - если сумеешь.

Дед на берегу тоже снисходительно заулыбался - что с ребенка возьмешь, не понимает что озеро не аквариум, а ладошка не сачок. Девчушка наклонилась, опустила, сложив лодочкой, маленькие свои ручонки в воду, затем, не разнимая их, выпрямилась. И Чудо свершилось. В пространстве между нежными детскими ладошками, в эдаком маленьком кусочке большого озера, плавал крошечный окунёк. Ахнув, взрослые застыли на месте, как бы боясь спугнуть и эту рыбку, и само это чудное мгновение. Девочка же случившееся воспринимала совершенно спокойно, как само собой разумеющееся. Она внимательно разглядывала своё сокровище и что – то потихонечку лепетала. Первым пришел в себя дед:

- Отпусти её, Танечка, пусть плывёт, ей в ручках плохо.

Девчушка на мгновение заколебалась, а затем наклонилась, опустила руки в воду, и развела ладошки в стороны.

- Плыви рыбка к своей мамочке, до свидания, рыбка!

Окунок, вильнув хвостиком, отплыл чуть - чуть в сторонку и... остановился.

- Да он больной, наверное, - словно обрадовавшись, засмеялся дед. Ну-ка, я его тоже возьму, подержу.

Мужчина, наклонившись, опустил руки, зачерпнул ладонями воду вместе с рыбешкой, но, не тут – то было: окунок, шустро вибрируя хвостиком, уже улепетывал подальше от людей. Маленькая рыбёшка, доверившись маленькой девочке с чистой и безгрешной душой, взрослому в руки не далась. Чудо закончилось.

Пройдут годы, девочка вырастет, полюбит, выйдет замуж, у неё будут свои дети, многое из её детских впечатлений забудется, бесследно исчезнет в тумане времени, но Чудо на озере останется в её памяти навсегда. Через много лет она приедет сюда с детьми, и другая маленькая девочка, её дочка, стоя по коленки в воде, так же, как когда-то её мама, спросит:

- Мама, можно я рыбку в ручки возьму?

Татьяна Чехова Мальчик и девочка

Они очень разные! Она домашняя девочка, которую никогда не выпускали гулять одну, а он дитя улицы – одинокий и бесшабашный.

Противоположности притягиваются, и этим тоже можно объяснить, возникшую между ними симпатию. Он полюбил ее с первого взгляда. Да и как можно ее не полюбить! Девочка была прелестна и изящна, черные волосы блестели и переливались на солнце, а прекрасные миндалевидные глаза ласково смотрели на мир.

И каждый раз, когда она выходила погулять в сопровождении маленькой женщины и большого, серьезного мужчины, мальчик уже не отрывал своего взгляда от нее. Когда же на нее начинали пялиться долговязый Степка или маленький Кешка, он начинал переживать, а то и мог надавать им, показывая, что пусть даже и не помышляют о ней.

Вот и сегодня, когда она вышла в сопровождении своих родных, мальчик бросил компанию, состоящую из Степки, Кешки и белобрысой Манюни, как ее все называли, и устремился за ней.

Ее родные никогда не гуляли во дворе, считали, что полезнее гулять в лесу, тем более он был недалеко. Заметив мальчика, женщина недовольно поморщилась. Конечно, он не пара их любимой, домашней девочке и общение с ним - не допустят. Она прикрикнула на него и он сделал вид, что повернул назад.

Однако, мальчик и не думал отказаться от нее. Держался подальше. Сегодня особенно, ему хотелось подойти к ней. Ее запах обволакивал его и в него хотелось окунуться, и он решил сделать это обязательно, несмотря ни на что. Он видел, что и девочка тоже не прочь пообщаться с ним, она оглядывалась и старалась отстать от своих родных.

Лес завораживает, притягивает и не отпускает. И стоило родным девочке отвлечься, она внезапно и неожиданно для них, устремилась назад, навстречу ему, ждущему ее неистово и радостно. Какое счастье! Глаза их не отрываясь смотрели друг на друга, а дрожь, которая буквально сотрясала их тела – говорила о страсти, охватившей их.

Что, крики! Даже палка, поднятая мужчиной, для их устрашения, уже не могла помешать тому, что должно было свершиться. И когда мужчина, а затем и женщина с криками добежали – все было совершенно! Они стояли рядом, крепко прижавшись друг к другу, не в силах расстаться.

- Как тебе не стыдно, как ты себя ведешь! - закричала женщина. - С кем ты связалась?! Это же уличный субъект, а ты домашняя девочка. Отойди, сейчас же, от этого босяка!

Девочка же, совершенно не чувствовала ни раскаяния, ни стыда. Чувства, ранее ею не изведанные, переполняли ее, и она была готова теперь остаться с мальчиком навсегда.

- Ладно, успокойся. Что уж, теперь поделаешь, - с усмешкой произнес мужчина, надевая поводок, на собаку. - Пошли, поищем в интернете - через сколько ждать нам щенков, ведь это впервые у нас. Надо хорошенько подготовиться.

Дома этот случай бурно обсуждался и женщина даже всплакнула. Девочка же вела себя невозмутимо и спокойно. У подъезда расположился мальчик, твердый в своем стремлении дождаться следующего ее выхода.

Открытка

Пришла открытка: Здравствуй, Поздравляю...
И много еще разных лестных слов,
Мол, мира, счастья и добра желаю,
Знакомый почерк... Шарм твоих духов...

Пришла открытка почтой... необычно...
Держу в руках не веря сам себе...
С утра звонил мне друг мой закадычный,
А я зачем-то думал о тебе...

Пришла открытка. Милая такая,
Таких открыток шлется сотни в год.
Но эта почему-то дорогая,
Как лучик солнца между непогод.

Пришла открытка. Прошлого оттенков,
Ножом по сердцу, пулей по душе.
И среди этих полужелтых стенок,
С тобой не будем рядом мы уже...

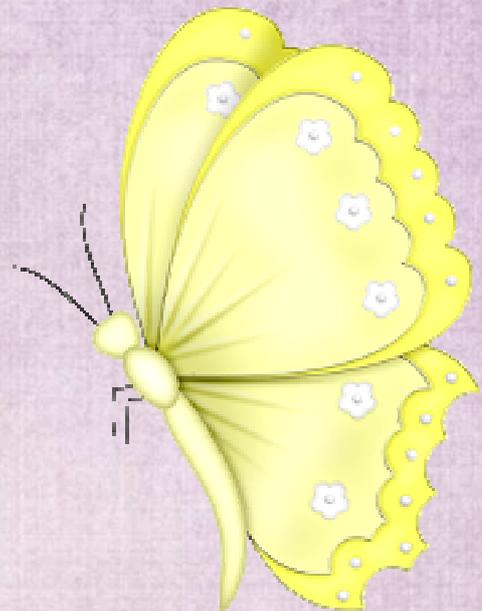
Прощание

Катись к чертям, тоска моя немая,
Оставь меня в дождливый этот день.
Я больше никого не донимаю,
Я - белая бесформенная тень.

Уйдите прочь запутанные мысли!
Я перестал вам верить навсегда.
Во мне лишь только образы зависли,
Как в прежние веселые года.

Не трогай меня, ненависть слепая!
Не лезь ты в душу серую мою.
Врагам я уж могилы не копаю,
И петли смертоносные не вью.

Приди ко мне, гармония, прошу я!
Устал я жить, как призрак меж миров,
Убей во мне любовь мою большую...
Хотя не стоит, я и с ней здоров...

Мне бы...

Мне бы в поле васильковое,
Мне бы лошадь порезвей...
Мне бы лошадь порезвей...
Ветер, по полям развей!

Мне бы в глушь непроходимую,
Мне б подальше от оков...
Только песню не суди мою,
В ней осталось мало слов.

Мне бы в сказку старорусскую,
Мне бы к белкам в хвойный лес,
Чтоб идти тропинкой узкою
В дымке сумрачных завес.

Мне б набрать побольше воздуха
В искаленную грудь,
Мне б коротенького роздыха,
Мне б уйти куда-нибудь...

Мне б любовь свою не нужную
Растерять и позабыть,
Мне бы жизнь свою натужную
Не растратить, не сгубить...

Что же ты раньше никогда не мурлыкал?

Екатерину Семеновну, последнюю старожилку некогда многолюдного села Запрудново, забирал на зиму к себе в райцентр сын Михаил. Бабка долго упрячилась, ехать отказывалась, но потом сникла, сдалась. Правильно Мишенька говорит, не прожить ей одной до весны. Дачники все разъехались, соседка Галя всех дольше оставалась, но на днях и она в город вернулась. Никого больше нет в селе, тоска смертная, словом переброситься не с кем. А зимой? Дороги заметет, хлеб возить не будут, тропку до колодца ей не расчистить... А случись заболеть? Ни телефона, ни «скорой» - ложись да помирай.

Повздыхала бабка, погоревала, потом собрала пожитки и села на лавку. Скорбно сложила на коленях большие узловатые руки, обвела взглядом горницу, задумалась – не забыла ли чего?

-Мяу! – в раскрытую дверь ворвался из сеней большой серый кот, опасно покосился на сваленные у порога узлы и шмыгнул под печку.

-Матерь божья, - привычно перекрестилась бабка на опустевший передний угол, - пресвятая Дева Мария, прости мне мои великие прегрешения! Как же я про Ваську-то ни разу не вспомнила?!

Под окном прогудела машина, захлопали дверки.

-Батюшки светы, да никак за мной уж приехали?! – всполошилась Семеновна. – Чего же с котом-то делать?

Михаил выслушал требование матери непременно забрать с собой ее любимца, искренне удивился.

-Да ты что, мать? Твоего дикаря не то что словить, увидеть не всякий раз удастся. Непривычный он у тебя людям, сама знаешь. Даже если я его и поймаю, все равно он у нас жить не будет. Уйдет!

Бабка Катя горестно поглядела под печку: что правда, то правда, из людей кот признавал только ее одну, да и то в руки не давался и нежностей не позволял.

-Что ж делать-то? – прошептала она одними губами.

-Ничего, - пожал плечами сын, - хороший, конечно, кот, жалко, если пропадет. Хотя почему обязательно на плохое думать? Мышей полно, воробьев. Может и выживет! – Михаил наклонился, поднял с пола узлы. – Пошли, мать, время идет. Товарищ с работы отпросился.

-Ступай, я следом...

Когда шаги сына затихли, Семеновна подошла к печке, опустила на колени, ласково позвала: «Васька, Васька». Кот вылез, настороженно прислушался, подошел к хозяйке, и – невиданное дело – боднул ее ногу лобастой головой.

-Никак почуял, горемычный, что бросаю тебя? – Бабка обхватила кота за шею и заплакала в голос. – Не пропадай, а? дождись меня!

Непривычный к такому обхождению кот возмущенно мяукнул, куснул бабку за палец, вырвался и убежал.

...Зима тянулась бесконечно, снежная, морозная, тоскливая...

-Миша, сходил бы в деревушку, проведаль кота. Жив ли? Еды отнес какой?

Сын отказывался, а иногда и сердился.

-Ты глянь, чего на улице делается? Сугробищи выше крыши. Дороги нет, как я пойду? Люди засмеют, куда в этакую пору поперся?

Семеновна уходила в отведенную ей комнату, ложилась на кровать, смотрела на падающий за окном снег. «Дева Мария, заступница наша, - шептали ее сухие губы, - помоги рабу божьему Василию, не оставь его своей милостью в лихую пору!» То, что просила она за кота, не за человека, бабку не смущало, перед Матерью небесной все живые твари одинаковы

Весной, лишь только просохли дороги, бабка запросилась домой.

-Не отговаривай, Клава, - упрямо заявила она невестке, - соскучилась я по деревушке. Проживу, дров, воды Миша на неделю наносит, а там и Галя подъедет.

Про кота не упоминала, побоялась, за сумасшедшую сочтут – какой, мол, кот, после такой-то зимы?

Хлопоты с переездом Семеновну утомили, и она тихо сидела на лавке, глядя, как невестка с внучкой моют избу. Потом они истопили печи, приготовили обед и уехали. Оставшись одна, бабка взяла палку и отправилась в обход своих владений. Увы, никаких следов хвостатого любимца...

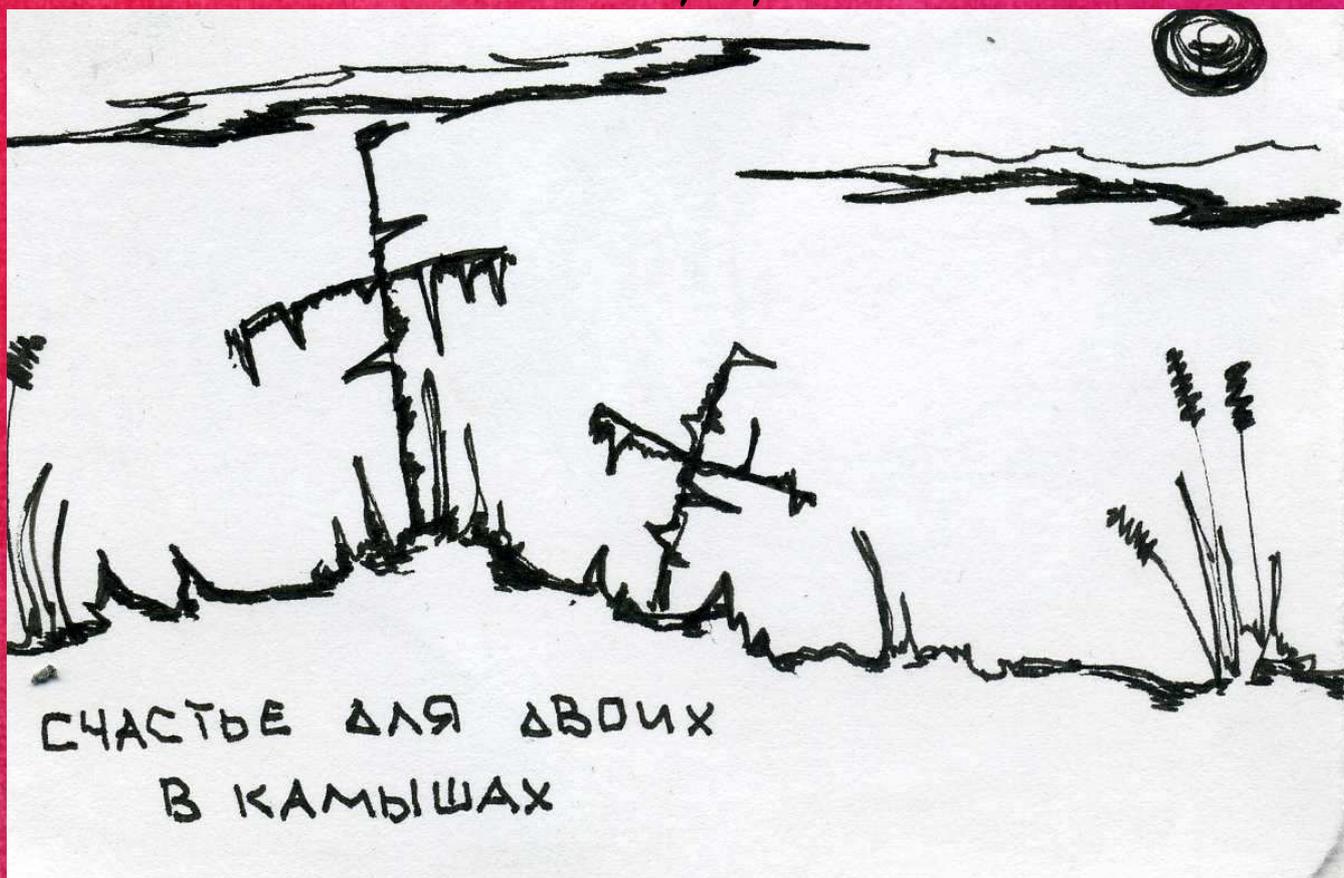
Она уныло вернулась в дом, прилегла на кровать, и не заметила, как задремала. Ей снился хороший сон – совсем молоденькая, она пилит с папаней дрова. На улице тепло, солнечно, и пила поет весело, нежно – жи-жи, жи-жи... Вот и старая собака Жулька, прибежала и лизнула ей руку. Катенька потянулась вытереть пальцы – и проснулась.

В комнате стоял вечерний полумрак, а пила продолжала петь и наяву. Изумленная бабка села на постели в поисках источника странного звука, и наткнулась взглядом на своего кота, сидящего у нее в ногах.

-Надо же! – восхитилась бабка. – Дождался-таки, чертяка! Что ж ты раньше-то никогда не мурлыкал?

Семен Сахно
«Счастье для двоих в камышах»

Евгения Беем

Евгения Литвиненко

Народная Этимология

В продолжение темы истории русского языка хотелось бы рассказать о таком явлении, как народная этимология. Именно эта тема выбрана потому, что первая статья вызвала множество отзывов. Суть некоторых из них сводилась к тому, что людям казалось, что то или иное слово из приведенных в первой статье на самом деле именно русского происхождения, и произошло от того или другого созвучного слова. Так вот, подобные рассуждения и есть народная этимология. Начнем с терминологии.

Этимология - (от древне-греческого этимон — «истинный, правильный, верный» и древнегреческого - логос — «учение», «наука») — раздел лингвистики (конкретнее сравнительно-исторического языкознания), изучающий происхождение слов.

Народная этимология - термин, введенный немецким лингвистом Фёрстеманном [1852] для обозначения специфического языкового явления — полного или частичного переосмысления слова в результате произвольного сближения его с другими близкими по звучанию словами.

Фактически, явление народной этимологии можно разделить на два типа:

1. Переделка и переосмысление заимствованного (реже родного) слова по образцу близкого ему по звучанию слова родного языка, но которое отличается от него по происхождению. Например: «полуклиника» вместо «поликлиника», «мелкоскоп» вместо «микроскоп». Примером переосмысления может служить сочетание «малиновый звон» (в значении «приятный, стройный звон колоколов»), ассоциирующееся с названием ягоды. На самом деле, оно восходит к наименованию бельгийского города Малин (Мехелен), где находится старинный собор, при котором имеется специальная школа звонарей, своеобразных «малиновских» музыкантов на колоколах.

2. Объяснение происхождения слов, не соответствующее их действительной истории. В отличие от научной этимологии, народная этимология основывается не на законах развития языка, а на случайном сходстве слов.

Первый тип народной этимологии чаще всего встречается в разговорной речи и часто используется в литературе для придания речи героя оттенка просторечия.

Как правило, такой народной этимологией обзаводятся слова, заимствованные из других языков. Но могут быть переосмысления слов и от своих корней, если значение их затемнено; например, мы теперь понимаем слова свидетель, смирение как образованные от корней вид(еть) и мир(ный), но это то же переосмысление по созвучию безударных **е** и **и**, так как этимологически эти слова восходят к корням вед(ать) и мер(а).

Последний пример показывает, что в тех случаях, когда та или иная народная этимология побеждает и становится общепринятой, слово порывает с прежней «законной» этимологией и начинает жить новой жизнью в кругу «новых родственников», и тогда истинная этимология может интересовать ¹⁸

только исследователя, так как практически она противоречит современному пониманию.

Подробнее же хотелось остановиться на втором типе народной этимологии.

Вот несколько слов, о происхождении которых часто возникают заблуждения.

Согласитесь, практически очевидно, что в русский язык сначала пришло слово «зонт», а уже от него произошло слово «зонтик», путем прибавления уменьшительно суффикса «ик». Как столик – от стол, ротик – от рот и т. п. Можно построить такую пропорцию: ротик: рот = зонтик: зонт. Но, тем не менее, слово зонтик не происходит от слова зонт, а, наоборот, зонт происходит от зонтик. Слово зонтик появилось при Петре I, а зонт – позднее, так как зонтик – это усвоенное голландское слово *zonnedeck* – буквально «солнцекрышка», где в русской передаче **з**, **о**, **н**, **к** совпадают с оригиналом, но слабое **е** германских языков пропало, на месте

же *d* подлинника в русском языке *m* (что вполне понятно, если знать соотношение германских и славянских звонких согласных), а *e* в последнем слогe заменилось на *и*, что опять-таки понятно, если учесть, что безударные *e* и *и* в русском литературном языке совпадают, и, например, то, что в слове ножичек надо писать *e*, а в слове мальчик – *и*, мы определяем по тому, что *e* в склонении «выпадает»: ножичка (беглая гласная), а и сохраняется: мальчика; в новом слове зонтик гласная не выпадала, а тогда, значит, это *и*, и конец слова переосмыслился по аналогии со словами столик, ротик и т. п. как суффикс уменьшительной формы **-ик**. Тогда основа без этого суффикса – неуменьшительная форма, откуда и возникло «фантастическое слово» зонт по пропорции: столик: стол = зонтик: *x*, а *x* = зонт.

На первый взгляд, нет ничего более легкого, чем объяснить, например, происхождение слова сальный – «жирный, лоснящийся от грязи» (сальный рукав, сальные волосы). Естественно, большинство людей скажет, что оно восходит к слову сало («жировое отложение в теле животного или продукт из этого вещества»)… и ошибётся! Слово сальный в указанном значении восходит не к русскому слову сало, а к французскому *sale* – «грязный, неприличный». Ещё одно доказательство того, что слова сальный и сало не являются этимологически родственными, – употребление в русском языке прилагательного сальный в значении, тождественном французскому *sale*: сальный (то есть неприличный) анекдот, намёк, шутка…

А еще есть слово подушка. И как бы не было очевидно значение слов: "подкладываемый под ухо"; на самом деле в это слове коень «дух», а буквальное его значение – "надутое". Ведь подушка и в самом деле должна быть легка, как воздух.

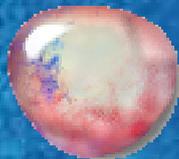
А для иллюстрации сложнейшего процесса выяснения происхождения слова, и совершенной неочевидности этого процесса для непосвященных хочу рассказать о происхождении слова «верблюд». Как это не странно, но русское слово «верблюд» произошло от арабского слова *al ephas*, обозначавшее совсем другое животное, а именно слона. Хотя и к арабам слово возможно пришло из древнеегипетского. До нас же из арабского слово добралось через греческий (*elephantos* — слон), затем латынь (*elephantus* — слон), готский (*ulbandus* - уже верблюд. Такую смену животных списывали на то, что и слоны и ¹⁹ верблюды были известны в тех местах только по рассказам путешественников, в живую их мало кто видел), а уже из готского возникло наше слово «велбладь» (второе «л» в слове возникло под влиянием слова «бладити» - блуждать. То есть и тут очевидно влияние народной этимологии). В современном виде слово «верблюд» появилось сначала в церковно-славянском.

Исходя из всего вышесказанного, хотелось бы сделать вывод: желание узнать, откуда произошло то или иное слово, всегда похвально, но этого желания мало даже вкупе с умением слышать, нужно знать еще и фонетику, причем в ее историческом аспекте, а так же историю. Которая, кстати, во многом помогает этимологии. Тут может быть уместен еще один пример: лингвист может объяснить, что слово затрапезный происходит от слова трапеза – «обед», «еда», происходящего от греческого *trapedza* – «стол», но почему оно означает «захудалый», «второсортный», когда к обеду переодеваются в чистое платье, остается непонятным. Историк разъясняет, что затрапезный происходит не прямо от слова трапеза, а от слова затрапез или затрапеза – «дешевая пестрядинная ткань», изготовлявшаяся фабрикантом по фамилии Затрапезнов.

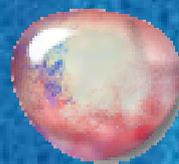
Вот такое это интересное явление — народная этимология. И вот такая это сложная наука — этимология.

<http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le7/le7-6071.htm>

<http://www.classes.ru/grammar/134.Reformatsky/worddocuments/19.htm>

Ирина Яковлевна

Быть тобой

Я побуду тобой - можно?
Не на долго, на пару мгновений.
Насладившись оцепененьем,
Я, забывшись, уйду осторожно.

Я люблю, не люблю...ненавижу!
Став тобою, себя же, тоже.
Знаю - это тебя не тревожит.
Это чувство лишь мною движет.

А потом не должно быть больно.
Будто кожей по льду - и только.
Я упав разлечусь на осколки,
И останусь лежать невольно.

О женщине...

Заботы вчерашнего из волос вычесаны,
Крема и помады до конца измазаны.
Больше нет сил покупать новые.
Как и всегда, одна...изведённая...

Ангелы

Хочу читать мысли голубоглазых девочек,
произрастающие из белоснежных корней
длинного волоса.
Дышать сполна красотой
немыслимой,
звучать тишиной высокого голоса.
Хочу смотреть их ногами
длинными, отдаляясь в центр
вниманий и образов.
Я не хочу быть робкой девочкой
...голубоглазой.
С ногами, как волосы.

Виктор Бутылкин

Необычный ужин

Печальный, тихий, дивный вечер
Я вновь за праздничным столом
Мой скромный ужин бесконечен,
Боюсь, немногим он знаком

Он состоит из лжи и истин
Всё это сложно объяснить
Здесь можно дать свободу мыслям
Тут пищу нужно... говорить!

Как необычен вкус у слова,
Я поражаюсь вновь и вновь
И, языком касаясь нёба,
Произношу опять – любовь

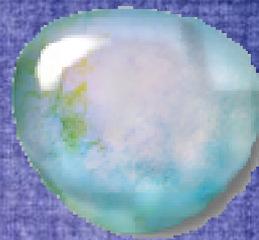

К нашему счастью газета развивается, обзаводится друзьями. Одним из таких друзей стал литературный конкурс «Крик»; проводимый на просторах сайта <http://www.proza.ru>. Время от времени на страницах нашей газеты будут появляться произведения, занявшие призовые места в этом конкурсе.

В этом номере мы публикуем рассказ, занявший первое место в конкурсе на тему «Чувство».

Борис Артемьев

Эффеит-2000

Елене Шарфман. С любовью.

Я живу в спальном районе на горе Кармель. Это престижный район для успешного среднего класса. В подъездах висят акварели. На стенах зеркала. В вазонах цветочки. Очень тихо. Все уважают друг друга и вежливо раскланиваются при встрече. А у мусорного бака выставляют вполне приличную мебель, устаревшие телевизоры и стереосистемы. И на балконах в торжества вывешивают бело-голубые полотнища национального флага. Просто рай.

Только я сюда затесался случайно. Приютили хорошие люди. Дали кров и койку. Но, вы же понимаете, что это временно. И совсем мне не по карману.

Эмиграция - это тяжелый опыт. Для многих. Я не говорю о тех, кто просто сменил пейзаж за окнами особняка. Но большинство вынуждено скушать свою долю дерьма. Больше или меньше - тут уж как повезет. Каждый сам за себя. Одному для осознания достаточно только унюхать известный запах. Другие черпают ложками. И ничего. Бывает - привыкают. Даже пытаются найти что-то особенное в послевкусии.словно орешек в шоколадной конфете. Только - зря. Эмиграция - не шоколад. Она - дерьмо.

А еще - надо готовиться к переменам. Статуса. Профессии. Восприятия реальности. Быть простым и гибким. Как полицейская дубинка.

Да что попусту чесать языком. Все равно - советы здесь не уместны. И все же главное - найти работу. Я позвонил по объявлению в русскоязычную газету. Позиционировал себя высококвалифицированным грузчиком. И уже на следующий день таскал нехитрый скарб более удачливых представителей сословия эмигрантов. Работа не сахар, но оплата сдельная. Так что - привет! Звоните в «Перевозки Марка».

Наша контора - это сам Марк, водитель и хозяин грузовика, два грузчика - старожилы Димка и Серега. Ну и я. Думать много не надо. Хватай, что потяжелее и тащи. Пока есть силы. А вечером, если повезет, Марк отслюнявит сто пятьдесят-двести монет. А не повезет, так просто подвезет домой. И пообещает, что завтра будут клиенты. И деньги. Наликом, без всякого банка. И без налогов. Это называется - работа по-черному. Очень удобно для тех, кто стоит в очереди на бирже труда. Или получает пособие по безработице. Только я еще не стою на очереди, слишком мало прожил в стране. А пособие нового репатрианта уже растратил наперед. Моя, теперь уже бывшая, подружка купила на него в рассрочку мебель. Меня даже не волнует с кем она там трахается на новом зеленом диванчике. Не до лирики. Я каждый вечер банально хочу жрать. Нет, днем тоже хочется, но за работой как-то об этом забываешь. Да и порой угостят колой или кекером. Или чашку кофе предложат. Был как-то раз даже целый обед - пита, шварма и разные острые маринованные овощи. Мы тогда загрузили полную машину мебели и увезли ее на самый север, где вдоль дороги, уходящей в горы, росли пахучие корабельные сосны. Обидно только, что этот обед и оказался дневной зарплатой. Марк клялся и божился, что он не виноват. И что клиент - сука. В это я поверил. А в то, что он не виноват - не очень.

Вот и сегодня - вкалывал под дождем целый день. А заработал только полтинник. И домой не подвезли. А монитка - местное такси - это 35 монет. Или иди на гору пешком, ведь автобусы после одиннадцати вечера не ходят.

Спросите - куда же я трачу деньги. Отвечу – собираю на билет отсюда. Это – пять сотен баксов. И еще столько же вернуть банку. И за квартиру. И за документы. На круг - три тысячи зелени. Или пятнадцать тысяч монет. Куча денег. Так что, может, я уже схожу с ума, - но каждая лишняя булка или пачка сигарет - словно преступление.

Разговоры - разговорами, только все равно – очень хочется есть. Я даже, грешным делом, пожалел, что перебрался в этот большой город. Там где я жил раньше, на юге страны, среди пальм в белых домах на берегу теплого моря коротали свой век религиозные люди. Они не могли позволить себе кощунственно относиться к плодам земли, которые даровал им Бог. И еще они неукоснительно исполняли заповедь заботы о нуждающемся. Поэтому не съеденный хлеб аккуратно заворачивали в пленку и вывешивали на чистые и совсем не пахнущие баки для отходов. Хлеб там был. Только там не было работы. И еще жила она, бывшая. Такая успешная и равнодушная. «Мне, конечно, очень жаль, - сказала она напоследок, - но поверь, так будет лучше». Дежурные слова бразильского сериала.

Стемнело. Южные ночи быстрые. Дождь, который начался когда мы выгружали тот дурацкий концертный рояль, так и не прекращался. Я вымок до нитки и очень замерз.

В этот день все с самого начала пошло наперекосяк. Где-то в полдень Марк подхватил меня у дома, и мы отправились к клиентке. Рыжая блядовитого вида пианистка - десять лет как из России - подцепила себе местного сабру, увела его из семьи, а теперь перебиралась на виллу, которую он арендовал в пригороде. У нее, конечно, ничего не было готово, и мы убили уйму времени, складывая и упаковывая ее барахло. А этот охренительный белый шедевр Стейнвея, который надо было тащить по тропинке вверх метров сто: ближе грузовик просто не мог подобраться.

Места в кузове мне, конечно, не осталось. И я сел вместе с клиенткой в красную спортивную машину. Мы ехали впереди и показывали дорогу. У нее был приятный голос с хрипотцой и она все время курила ментоловую «Монтану». Это было очень плохо. Во-первых - уже два месяца у меня не было секса, а от нее прямо разило похотью. А во-вторых, очень хотелось курить, только попросить я стеснялся. И очень ругал себя за это.

Вилла была отличная. С внутренней дубовой галереей вдоль периметра второго этажа и огромным холлом, где рояль оказался к месту. Только я не завидовал. Все было чужое. И из кухонной мраморной мойки, в которой почему-то стояла серая мыльная вода, мерзко воняло.

Мы пережидали, пока прежние жильцы загрузят свои вещи в минивен. Жильцы были молодые и богемные. А груз – плазменная телевизионная панель, аудио аппаратура, виниловые диски, журналы по искусству и пять дюжин банок пива «гессер миллениум». Серега – почти двухметровый скрипач из Винницы, который легко взваливал на спину трехсотлитровый холодильник «Тадиран» и, по- моему, никогда не бывал абсолютно трезвым, очень внимательно следил за погрузкой, свесив ноги с борта нашей грузовой старушки «Исудзу».

А я думал о том, что в суете окружающих меня людей я совершенно лишний. И о том, что я очень хочу домой, туда, где мои книги и мои стены.

Раньше на юге я приходил на берег моря, садился среди заросших зеленью развалин арабской деревни и долго наблюдал за проплывающими кораблями. Только среди них никогда не было белого парохода. И в этом совершенно не было мистики. Просто в трех километрах еще южнее у самой Газы находился нефтяной терминал, и именно к нему стремились серые и ржаво-коричневые танкеры. А что делать у нефтяного терминала белому пароходу? Тому, на котором я хочу поплыть домой.

Мы выгружали рояль, когда пошел дождь. Совсем не во время, потому что вещей в кузове было еще не меряно.

А после разгрузки мы обсыхали в холле, ждали, когда сабра рассчитается с Марком и рыжая принесла нам по рюмке водки. Водка подействовала неожиданно сильно. Может быть, потому что я устал, и ничего за день не съел. Я опьянел и в этот момент почему-то подумал, что моя карьера грузчика закончилась.

Потом мы сели в грузовик. Пацаны вместе с Марком в кабину, я, как обычно, в кузов и поехали назад в город. В нижнем городе Марк развез ребят по домам. Когда Серега выходил, он подозвал меня к заднему борту и протянул две пивные жестянки: «Держи! - сказал он, - Хлебни миллениума.» И когда он успел его спереть?

А меня Марк подвез к автобусной остановке и сказал, что подбросить меня на гору не сможет – опаздывает. И дал за работу 50 монет. Пообещал позвонить завтра. Было уже полдвенадцатого ночи, и я отчетливо понял, что уже никто мне завтра не позвонит. На остановке, понятное дело, стоять было без толку. Мимо пролетела монитка - белая чешская «Октавия». Я подумал, что уже через 25 минут мог бы упасть в постель. Только зачем спешить? Ведь там не дом, а дорогое такси только оттянет момент, когда я смогу сесть в белый пароход.

Через весь город вела вверх на гору лестница. От усталости и выпитого гудели ноги. Я поднимался пустыми пролетами - здесь рано ложатся спать - и плакал. Слезы, которые текли по щекам и смешивались с дождевыми каплями, я размазывал кулаками с зажатými пивными банками. Я просил небеса помочь мне найти себя. Ведь я потерял себя среди чужих людей чужого мне города. Я матерился и хохотал. Это слышали мерзкий дождь и гранатовые деревья. И, наверное, Бог. А больше - никто. Потому что иначе меня бы забрала полиция: здесь ее вызывают легко. А молодцеватые парни в голубых рубахах с дубинками в руках не церемонятся.

У двух гостиничных башен на западном склоне горы мой путь пролегал через великолепный парк с беседками, качелями и древними пушками, которые направлены жерлами в сторону бухты.

Я сел на мокрый камень. Дернул за кольцо банки и, запрокинув голову и захлебываясь пеной, залпом выпил пиво. Выбросил смятую жестянку в мусорный контейнер, и, уже не торопясь, откупорил вторую.

Внизу прожектора освещали незасыпающий муравейник грузового порта. Рядом, у военных причалов, словно дикие хищные кошки, притворялись спящими стремительные сторожевые катера. Чуть ли не вровень с горой нависала над городом громадина штатовского авианосца. А чуть в стороне – о чудо! – у пассажирского терминала ошвартовался такой маленький на фоне авианосца и такой родной белый пассажирский паром.

Он пришел за мной!

Дождь перестал. Я улыбался. И, кажется, впервые за последний год был счастлив.

Наши друзья

Артем Бакин

Артем Вахрейн

Выиграет жизнь лишь смелый,
Трус обречен на крах-
Если ты пишешь мелом
На тротуаре "help me"
Пятый размер Памеллы
Будет в других руках.
Это закон момента,
Наглый срывает банк-
Целая пачка "mentos"
И подходящий этнос...
Тише, у нас секретность,
Не разбуди собак.
Хочет победы каждый,
Хочет, но все не мо...
То ли не слишком жаждет,
То ли сломался гаджет,
То ли "Господь накажет",
То ли с двух лет немой...
Я вам открою тайну-
Выиграет жизнь лишь тот,
Кто не рычит на таймер,
Мол, две минутки дай мне,
Кто из футболки крайней
Выжал последний пот .

Я уйду от этих многоточий,
Они скрывают слишком много нас.
Бывало, я стихами кровоточил,
Бывало, я стихами кровоточил,

И за любым - простым красивым словом
Лирический герой не станет мной.
Я в нем теперь отчаянно закован,
Немного угнетенный не-герой.

И мне уже совсем почти не страшно,
Я и уже совсем почти закрыт.
Я больше не предчувствую опасность,
Себя в себе немного позабыв.

И я не удивляюсь миллионам,
Которые не слушают стихов:
Уж слишком те похожи на патроны,
Попавшие не в сердце, а в висок.

Кирилл Венриков

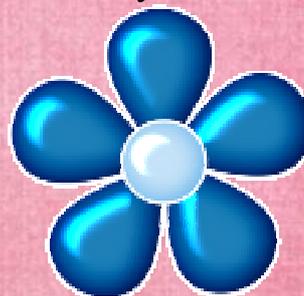
Песен не услышать здесь веселых,
Да и грустный не слышать мотив,
Только тихий шепот рядового,
Что стоит, чуть голову склонив,

Лет ему не тридцать и не двадцать,
Разменял восьмой десяток лет,
Только продолжает возвращаться
К тем, кого давно на свете нет.

Перед скромным старым обелиском,
Где ржавеет красная звезда,
Обращаясь к каменному списку
Тех, кто здесь остался навсегда.

Здесь веселых не слышать мотивов,
Грустные здесь песни не слышны,
Только эхо отгремевших взрывов
Долетает отзвуком войны.

Только в списке выбитом на камне,
Там среди фамилий и имен,
Не хватает одного лишь парня,
(Продолжить)
Чтобы вновь собрался батальон.

Алекс Сигаров
Доберман

Дежурный по КПП первой линии охраны, выдавший жизнь без прикрас, прапорщик Олег Николаевич, перед тем как закрыть «калитку на клюшку» до самого утра, вышел на крыльцо с внешней стороны периметра, чтобы покурить.

Пока он смотрел на звезды в просвете набегающих облаков и дотягивал дежурную сигарку, в кустах поблизости раздался подозрительный шорох. Будучи опытным воякой на пороге заслуженного дембеля, Олег Николаевич незаметным движением расстегнул кобуру с пистолетом и непроизвольно напрягся. Мало ли?! Времена нынче беспокойные...

Из кустов палисадника прямо к ступенькам КПП выполз доберман и лег на асфальт.

Олег Николаевич, не застегивая кобуру с ПМ (пистолет Макарова), присел на корточки, чтобы обстоятельно, но все же с безопасного расстояния рассмотреть собаку получше. Вдруг кинется?! Может бешенная или просто дурная, кто знает?!

Пес был без ошейника и в крайней степени истощения. Собака смотрела на человека затравлено-испуганными глазами, поджимала передние лапы и тихо поскуливала... даже не собака, а чуть подростый щенок.

Прапорщик, глядя на собаку, попытался с ней заговорить.

- Ты это... Нельзя тут! Воинская часть, режимная территория. Не положено! Понимаешь?!

Собака с трудом поднялась на подгибающиеся лапы и, сделав пару неуверенных шагов, опять легла на асфальт. Олег Николаевич приблизился к доберману и участливо спросил.

- Совсем плохо?!

Пес закрыл глаза, и устало свесил свои острые уши. Седой прапорщик сходил в здание КПП и вернулся с бутылкой минеральной воды. Откупорив бутылку и подставив ладонь ковшиком, Олег Николаевич полил воду тонкой струйкой... Пес открыл глаза и начал жадно лакать живительную влагу.

- Мде... бедолага! Потерялся? Где лапы то отдавил, дурашка?!

Доберман молча смотрел в глаза человека с неприкрытой тоской и слабой надеждой.

Зазвонил служебный телефон и дежурный по КПП поспешил к рабочему столу. Собака попыталась зайти в здание, но прапорщик строго цыкнул.

- Сюда нельзя!

Пес, робко потоптавшись на пороге, вернулся на улицу и лег в тень под кустами. Закончив разговор, Олег Николаевич развернул «тормозок» с бутербродами и, оставив себе один, вышел на крыльцо.

- Эй, как там тебя?! Ты здесь?! Жрать будешь?!

Кусты зашевелились и оттуда выглянула острая собачья морда. Прапорщик бросил в сторону собаки бутерброд с колбасой... клацнули зубы, и бутерброд мгновенно исчез в собачей пасти, не долетев до земли.

Ночью пошел сильный дождь и прапорщик, вспомнив о собаке, вышел на крыльцо. Доберман лежал под тем же кустом мокрый и жалкий.

- Заходи! Но только до утра, а то САМ у нас, знаешь какой суровый?! Зверь!

Мокрый и прихрамывающий пес зашел вовнутрь здания и, забившись в угол, мгновенно уснул прямо на бетонном полу. Во сне доберман нервно вздрагивал и периодически поскуливал. Олег Николаевич глядя на дрожащий комок мокрой шерсти, глубоко вздохнул и покачал головой.

- Били, наверное?! Эх, люди, люди!

Рано утром, Олег Николаевич подтянул портупею и, поправив кобуру с ПМ, вышел к шлагбауму. Пес захромал следом за дежурным по КПП и, увидев вдалеке группу военнослужащих, спешащих на службу, опять спрятался в кустарнике.

Все утро в «час пик», Олег Николаевич пропускал через КПП толпы людей, проверяя пропуска, а доберман внимательно смотрел сквозь ветки кустарника, старательно втягивая ноздрями новые запахи незнакомых ему людей, при этом, не подавая ни малейшего признака своего присутствия.

Днем, прапорщик сходил на обед в столовую, откуда принес две котлеты и полбуханки черного хлеба. Собака вышла из кустов, осторожно помахивая обрубленным хвостиком, и втянув в ноздри запах вкусных котлет, стала перетаптываться на месте, роняя на землю обильную слюну.

- На! Ешь, троглодит прожорливый!

Пока доберман жадно поглощал котлеты и заглатывал полбуханки хлеба почти не жуя, Олег Николаевич вытащил древний мобильник и по-стариковски шурясь, набрал номер своего сменщика.

- Здорово, Коль! Слышь, такое дело! У тебя есть пара старых мисок? Да нет, самых обычных алюминиевых или эмалированных. Есть?! Да?! В гараже? Будь ласка, прихвати на службу, если не жалко?! Да тут собачка одна прибилась... Хороший пёса, хромый и битый... да знаю, что нельзя! Он по кустам прячется, его никто не видит. Умничка такой, породистый! Доберман, да... Домой бы взял, да внучка ж недавно родилась, ютимся впятером на 44-х квадратах. Принесешь?! Ото ладно! Спасибо тебе, друже! И это... воды набери в бутылку и пожрать чего... для зверя, а с Мишкой из третьей смены я переговорю... Не прогоняйте собачку, ладно?!

Через двое суток, Олег Николаевич пришел на службу с большой авоськой, откуда вытащил пакет с мясной обрезью и приличную кастрюлю каши. Собака выглянула из палисадника и вышла навстречу, виляя куцым хвостиком. В кустах за углом КПП на опалубке фундамента, Олег Николаевич обнаружил миску с водой и миску для пищи.

Пока пес жадно поглощал кашу, тщательно перемешанную с мясной обрезью, Олег Николаевич надел на его тощую шею красивый кожаный ошейник.

- От так вот! А то неправильно собаке без ошейника, еще подумают, что ничейный...

Почувствовав на своей шее широкую мягкую кожу с блестящими заклепками, доберман даже перестал кушать и чуть не всплакнул от гордости. Он благодарно лизнул седого прапорщика прямо в колючие усы.

- Тьфу на тебя, дурачина! Жри давай и ныкайся скорей в кусты. Сейчас рабочий день закончится, люди домой пойдут.

Молодой прапорщик Миша, сдавая дежурство по КПП, добродушно бухтел.

- Не волнуйся, Олег Николаич, покормили твоего дохлика. Из столовой принес кучу жратвы, моя сердечная мадама навалила трехлитровую кастрюлю супа. Так этот чахлик все слопал взахлеб и еще миской гремел – вылизывал! И куда в него столько влезло, непонятно?! Он там на газоне лежбище себе выкопал. А на ночь я его в помещение пустил, у меня обрез старой шинели остался, на пол кинул. В углу спал, а ни свет, ни заря, выскочил на улицу и в кусты. Тише воды, ниже травы! Хитрый зверюга!

Шло время, пес прижился и немного отъелся, но при каждом постороннем шорохе нырял в кусты и затаивался аки партизан во вражеском тылу. Прапорщики с дежурной службы по КПП его не прогоняли, а всячески подкармливали. Девчонки из столовой уже сами набирали кастрюлю с обедками и по окончании рабочего дня оставляли у ворот КПП для нового охранника.

Как-то рано утром, Олег Иванович стоял у шлагбаума и гладил между ушей сидевшего рядом добермана, который щурился от удовольствия, поглядывая на прапорщика со смесью фанатичной преданности и безмерной благодарности, как вдали показался автомобиль САМа.

Пес, заслышав шум мотора, шустро нырнул в кусты, а дежурный по КПП нажал кнопку на пульте для открытия шлагбаума и опускания противотаранного устройства. Тем не менее, машина остановилась, и вышел САМ.

- Тащ генерал-полковник за время дежурства...

- Вольно, Олег Николаевич! Здравствуйте, уважаемый. А помощник твой где?

- На завтрак пошел, тащгенерал!

- Да нет, я не о контрактнике. Я о хвостатом помощнике спрашиваю.

- Стуканули уже?! Вот ведь...

- Ну, типа, сорока на хвосте принесла.

- Яйца бы той сороке открутить...

Седой прапорщик потупил взгляд в землю и невольно запинаясь, начал тихо бубнить.

- Тащгенерал, собачка безобидная. Жалко его. Понимаю, не положено. Табелем поста не предусмотрено, харч опять же... А на довольствие можно и не ставить, в столовой же остается, девчонки корм дают... остается же...

- А покусает кого?!

- Не покусает, мы его днем будем на привязь сажать, ребята даже парашютную стропу выменяли... А ночью гораздо спокойней с ним - нюх, слух, зубы и все такое... Разрешите, а?!

- А зовут то как?!

- Не знаю я! Доберман и все! Он на любую кличку отзывается, но привыкли уже – Доберман! Он умный, все понимает! Разрешите, тащгенерал...

- Я подумаю!

Через полчаса на КПП с рулеткой в руках пришел начальник рем. группы.

- Николаич, предъявляй зверюгу!

- Зачем?

- Буду мерку снимать! От носа и до хвоста!

- На кой? На гроб, что ли?! Не дам губить животину!

- Да ну тебя к лешему, Николаич! Какой еще гроб? Только что САМ позвонил и дал указание, будку для зверя смастерить. Вот пришел мерить его, чтобы проект жилища рассчитать - объем, высоту потолка, полезную кубатуру... Это тебе не хухры-мухры! Все в строгом соблюдении с СТР...

Уже к обеду за КПП стояла добротная будка и даже покрашенная в цвет основного здания. О, как?! А доберман получил официальный статус и постоянное место службы.

Время шло, пес не просто отъелся, а неприлично отожрался на казенных харчах, превратившись в огромного матерого кобеля. Широкая спина, бычья шея, мощная грудь, королевская стать, аристократичная осанка, страшнейшие зубы – мясорубка, ого-го! Ошейник застегивается лишь на крайнюю дырочку!

Днем пес спит в будке, привязанный на парашютную стропу, а ночью рыскает по территории, охраняя покой и сон дежурной смены.

Олег Николаевич привязался к Доберману со всей серьезностью и обстоятельностью старого воина. Прапорщик регулярно баловал зверя, принося ему из дома чего-нибудь вкусненькое.

Пришел срок и Олег Николаевич уволился в запас по возрасту, а пес остался продолжать охранную службу.

И вот иду как-то через КПП и вижу, сидит пенсионер Олег Николаевич и кормит Добермана мясной вырезкой.

- Олег Николаевич, здравствуй дорогой! Чего это ты?! По службе соскучился, на пенсии тоскливо?!

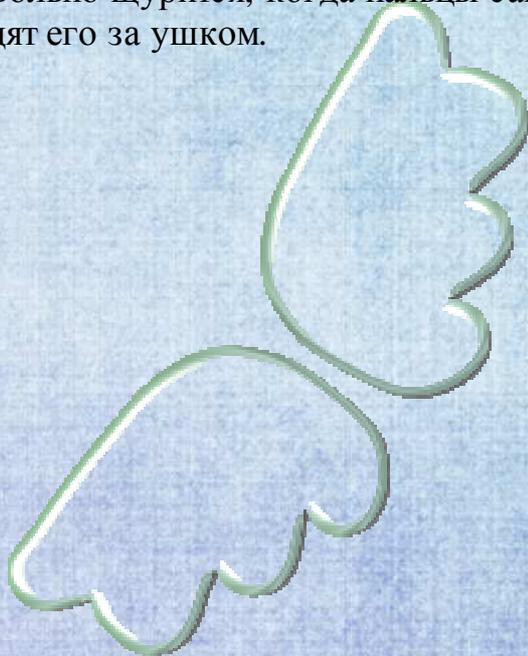
- Да нет, есть чем заниматься, внуку воспитываю. Мои еще и внучка родили, забот хватает! Я вроде няньки при них. А сюда зашел дружка своего поведать. Как он тут?! Не обижают ли?! Не похудел ли?!

- Ага! Похудел, как же?! Шею уже пальцами двух рук не обхватишь, пора новый ошейник покупать, на этом уже все дырки закончились...

Поговорив с уважаемым человеком и бывшим сослуживцем, попрощался и побежал по своим делам.

Оглянувшись, увидел, как на лавочке перед КПП сидит ныне заслуженный пенсионер Олег Николаевич, а огромный доберман стоит рядом, почтительно и осторожно положив свою остроносую морду на колени бывшего прапорщика.

Суровый пес довольно щурится, когда пальцы самого дорогого для него человека, нежно гладят его за ушком.

Владимир Кузнецов

Из глины

(Повесть. Отрывок.)

№19 не стал идти по улицам. Сейчас передвижение по ним было бы сопряжено со многими трудностями. По улицам перемещались отряды из десяти-пятнадцати человек, с зелеными повязками на рукавах, громили магазины, врываются в дома, вытаскивая их обитателей на улицу и забивая до смерти, писали что-то краской на стенах. Возле Биологических мастерских, пунктов распределения фармацевтики и участков службы безопасности завязывались настоящие бои. Мятежники не задумываясь, бросались под пули, гибли десятками, но добивались до своих врагов. Во многих местах звучала пожарная сирена, работали автоматические системы тушения. Склады и фабрики тоже стали объектами захвата, но там обходилось без зверств – большинство промышленных зданий были покинуты персоналом. Мародеры, имевшие неосторожность добраться туда первыми бежали, только заметив приближение «зеленых повязок».

Девятнадцатый шел верхними ярусами: где было возможно – по крышам, где нет – по техническим и верхним этажам. Скользил, оставаясь не замеченным беснующейся внизу толпой.

Двигался. Наблюдал. Анализировал.

Происходящее в районе Н18-192 КР было не просто сбоем в системе социального контроля. Это был продуманный акт, имевший целью не диверсию и саботаж, а захват района. Применение первого протокола здесь было бы самым разумным выходом. Если бы №19 задумывался об этом, он наверняка бы решил, что в департаменте Безопасности «Такаши Каямо» так и поступят. Но он не задумывался о постороннем. Он выполнял поставленную задачу.

№19 был редким удачным образцом так называемого «полного программирования», которое превращало человека в безжалостный инструмент чужой воли. Разработки в этом направлении велись всеми тремя корпорациями непрерывно, но функционирующие образцы были большой редкостью. И большой ценностью, соответственно.

Девятнадцатый замер на карнизе какого-то склада. Впереди, на закрытых воротах цеха консервации висел человек. Его распяли, пробив тело в семи местах. Раны образовывали странный узор, не функциональный, но очевидно упорядоченный. Рядом с телом, чем-то буро-красным было написано: «Восславьте Бога Новообретенного! Лишь свобода свята!»

Это был уже третий признак, указывающий на то, что волнения имели в основе некую религиозную пропаганду. Это в свою очередь говорило, что нужно искать центр созданного культа.

Девятнадцатый немного покругил по району, обнаружил крупный отряд «зеленых повязок» и начал следовать за ним. Бунтовщики врываются в дома, все круша и ломая, прятаящихся внутри людей вытаскивали на улицу, били, издевались, допрашивали. Задаваемые «повязками» вопросы были похожи на шизофренический бред, пленные часто просто не понимали, чего от них хотят, а страх и вовсе сковывал разум. Каждый допрос оканчивался жестоким избиением, а нередко –

убийством. Затем отряд двигался дальше. Они не грабили – только рушили и убивали. Единственное исключение составляла фармацевтика – ее они забирали полные сумки, многие тут же употребляли дозу за дозой, дико крича и упиваясь причудливыми искажениями сознания.

Перемещения их были хаотичными и, похоже, не имели четкого плана. Через двадцать семь минут №19 понял, что продолжать наблюдение бессмысленно. Он остановился, решив дать отряду отойти подальше. В этот момент, «зеленые повязки» засуетились, кто-то выстрелил в воздух, остальные закричали. Из-за поворота метрах в пятидесяти вышла еще одна группа местных, уже без повязок, так же вооруженная как попало. Они так же разразились хором хриплых выкриков и бросились на «повязок». Завязалась потасовка, жестокая, бессмысленная. Девятнадцатый наблюдал за происходящим без интереса. Вынужденное бездействие вызывало в нем странное, неприятное чувство, которое он не мог до конца подавить. Но в то же время, что-то не давало ему просто уйти отсюда. Неожиданно, появилось всплывающее окошко в левом верхнем углу поля зрения – сработал портативный сканер, фиксирующий изменения психотропного излучения.

Вначале, прибор идентифицировал новый сигнал как сильные фоновые помехи, но постепенно по мере их усиления, сумел определить источник. Излучение не было идентифицировано, но было достаточно мощным, чтобы полностью перекрыть латентные сигналы штатных источников. Но не это заинтересовало Девятнадцатого.

Источник странного шума двигался. Двигался по направлению к дерущимся.

Из узкого служебного проулка вышел человек. Рядом с двухметровыми, весящими по сто пятьдесят-двести килограмм, местными, он казался просто карликом. На нем был обычный защитный костюм, из тех, которые выдаются службам ремонта и обслуживания, слегка компенсирующий давление и снабженный воздушным фильтром. №19 сфокусировал на нем оптический увеличитель. Костюм явно не принадлежал человеку – он был ему велик, на рукавах и штанинах топорщился гармошкой, размер перчаток был непропорционально больше длины рук, голова под тяжестью шлема сильно раскачивалась. Лицевая часть была полностью закрыта, с защитной металлической сеткой, стереокамерой и речевым динамиком. Над камерами, в районе лба неизвестный носил зеленую повязку, сам костюм был местами опален и забрызган кровью.

По мере его приближения, схватка затихла сама собой. Люди встали полукольцом навстречу приближающемуся карлику. Когда между ними осталось не больше десяти метров, пришелец поднял руки. Девятнадцатый ощутил странный зуд в висках, сканер отметил значительное усиление излучения. Человечек заговорил. Его слова были громкими и внятными, но смысл странным образом искажался, как будто говорил он на похожем, но все же чужом языке. Толпа молча слушала. Зуд в висках постепенно усиливался, люди вдруг начали волноваться, переминаясь с ноги на ногу и громко переговариваясь, затем стали скидывать руки и кричать. Кто-то из них снял свою повязку и дал стоящему рядом. Тот принял ее, зажал в кулаке и поднял вверх, разразившись громким, нечленораздельным криком. Для Девятнадцатого этого было достаточно.

Щелкнул предохранитель винтовки, голова человека появилась в перекрестье прицела, клацнул затвор, мягко ударила в плечо отдача.

В следующую секунду события развивались непредсказуемо быстро.

Одновременно прицел закрыло громадой одного из фанатиков. Пуля вошла в его тело, раздробив лопатку и засев в легком. Уже мертвый, гигант продолжал стоять, словно оберегая маленького человека. Остальные тут же развернулись, удивительно быстро обнаружив источник выстрела. Вскинутые винтовки и пистолеты захлопали выстрелами, бессмысленными на таком расстоянии. №19 переключил оружие на автоматический огонь и методично расстрелял всех, кто стоял вокруг человека с зеленой повязкой. Тот же, пользуясь моментом, скрылся в ближайшем здании, прячась за бунтовщиками как за живым щитом. Но излучение выдавало его. Девятнадцатый перебрался на верхний этаж дома, сквозь который бежала его жертва. Сейчас человек должен был выйти во внутренний двор, отлично простреливающиеся из любого окна. В темноте коридора на Девятнадцатого бросился какой-то человек, в ту же секунду убитый тычком ладони в гортань. В комнате с окнами во двор оказалось еще двое, каждый из которых стоил №19 трех секунд. Когда он подошел к окну, человек уже добегал до дверей на другом конце площадки. Девятнадцатый выстрелил, не целясь, целиком полагаясь на память рук.

Человек остановился, словно почувствовав приближение смерти. Он успел развернуться и вскинуть руку навстречу выстрелу. Пуля отбросила его вглубь дверного проема, где он остался лежать неподвижно.

№19 выпрыгнул из окна, мягко приземлился на пружинящую поверхность внутреннего двора, в несколько широких шагов преодолел расстояние до тела, сменив винтовку на пистолет.

Когда №19 оказался рядом, лежащий с простреленной грудью человек произнес:
-Машина.

Сканер сошел с ума. Несколько мгновений показания хаотично сменяли друг друга, затем окошко исчезло – прибор выключился. В голове зашумело, словно при погружении в тренировочный транс, беспричинно заплясали в голове обрывки обучающих программ, задрожали мышцы.

-Ты ведь когда-то был человеком, - карлик спокойно встал на ноги и на шаг отошел от беспомощно застывшего стрелка, - тебя лишили права быть им. Тебя превратили в механизм. В продолжение того оружия, из которого ты пытался меня убить.

Постепенно, сознание успокаивалось. Образы исчезли, голоса в голове стали едва различимым шумом в ушах. Возвращалась способность двигаться.

-Посмотри на меня, - продолжал говорить человек, сделав шаг назад, - я твоя Свобода.

Девятнадцатый поднял руку и выстрелил. Рука двигалась слишком медленно, мышцы не учли отдачу – пуля прошла над головой человека. Этого оказалось достаточно - тот бросился бежать. Девятнадцатый выстрелил еще раз, снова двигаясь, будто в густой вязкой жиже. Выстрел снова прошел мимо. Человек скрылся за поворотом, были слышны его удаляющиеся торопливые шаги. Но по мере того как он убежал, силы возвращались к №19. Через двадцать секунд он вновь был прежним. Еще через двадцать – он знал, что делать дальше.

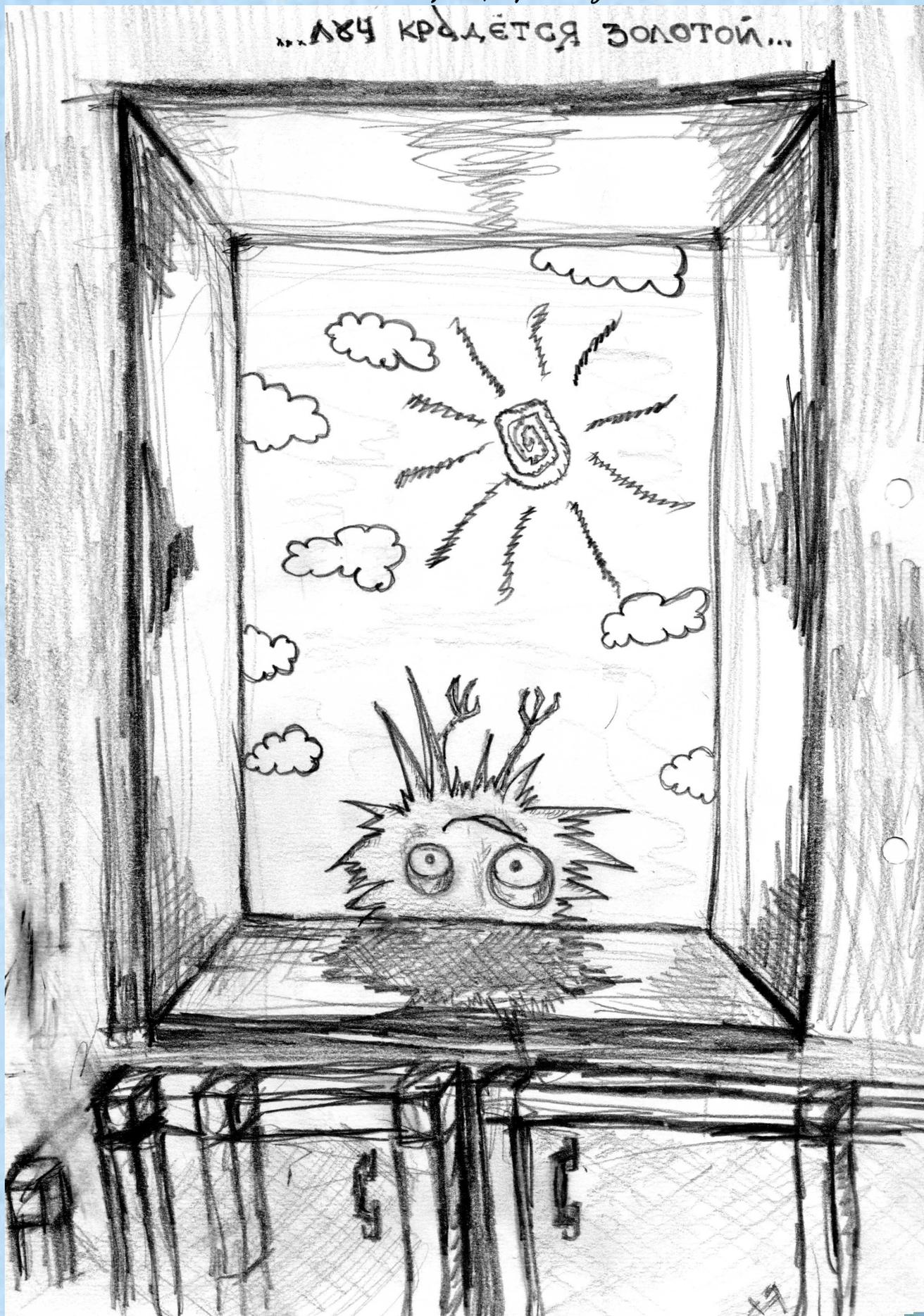
Целиком повесть можно прочитать здесь:

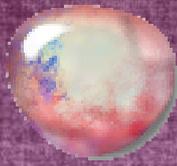
<http://www.proza.ru/2010/03/23/443>

Семен Сахно

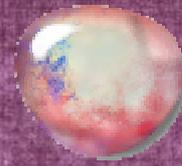
Луну крадется золотой

...ЛУНА КРАДЕТСЯ ЗОЛОТОЙ...

Ирма Горте Щастье

В поисках счастья Она изо дня в день моталась по городу: с утра подскакивала - и на работу, в обед срывалась по магазинам и кафе, после работы - на презентации, выставки, в кино и театры, на свидания и вечеринки, в рестораны и дискотеки. Ночью добиралась к себе в квартиру, усталая, измождённая, принимала душ и, проваливаясь в сон, улавливала одну и ту же, постоянно преследующую Её, мысль: Где же ты, Счастье?..

Вот и сегодня, затемно вернувшись, Она привычным жестом вставила ключ в замочную скважину. Тихонько приоткрылась дверь соседней квартиры.

- Добрый вечер, Палыч! - улыбнувшись, поздоровалась с соседским стариком.

- Здрайствуй, милая, - Палыч выжидательно смотрел на красавицу соседку.

- Что-то случилось? - слегка обеспокоилась.

- Дык, от ить, к тебе тут приходили, - невнятно начал сосед.

- Кто?

- Кхм-хм..., - прокашлялся, - Приходили, говорю, тут. К тебе! - уже увереннее.

- Палыч, кто приходил-то?

- Дык ить, щастье, говорю, приходило.

- Счастье? - улыбка недоумения озарила Её лицо. - Палыч, ты чего-то темнишь. Какое ещё счастье?

- От ить как бывает... М-да-ааа...

- Ты рассказывай по-порядку, не пойму я тебя что-то.

- Дык я и говорю. Слышу - стучат. Сначала тихо, а потом всё громче и громче, ну, тут уж я не выдержал, да и выглянул, с двери-то своей. Кто, мол, да чё долбишь-та? Чай, дверь-та не казённая! А он и говорит, мол, щастье я. Оот ить... Я - ему, раз не открывают, значит нету никого! А он, згрустнув, ти-иихо так, мол "спешил к Ней, уж очень Она ждала"... А тебя, милая, дома-та и нет...

Кое-то о колёсах

Старый аристократ Роллс-Ройс Фантом никак не мог заснуть в своём гараже. Ему мешал громкий диалог, доносящийся из-под кузова:

- Да говорю ж тебе, я - важнее!

Роллс вслушался внимательнее. Спорили двое. Похоже, это передние правое и левое колёса.

- С чего ж ты это взял-то?

- Я левое, и этим всё сказано!

- Ну, не знаю такой аксиомы, что если ты левое, то важнее. Вот правое - это да! Это правда! Хотя бы потому, что в случае прокола беру на себя самую правильную функцию - даю возможность машине съехать в кювет. И авто целее, и пассажиры живы. А ты? Да если ты проколешься, так и до аварии недалеко, на встречу выскочим!

- Да ты что? - возмущённо, - ты о чём? Я пока работаю, так мы и едем, право слово, чётко и ровно!

Спор двух братьев-близнецов окончательно прогнал желание уснуть. Сам Фантом на своём веку повидал такого, чего этим соплякам и не снилось! Но вступать в подобного рода разборки было не в правилах главы семейства, и потому он с любопытством прислушался, о чём тихонько перешептываются трудяжки близнецы-братья задние.

А у тех одно на уме: скорей бы на пенсию! Вот уж мечта всей жизни!

- Я бы стал отличной клумбой для цветов в парке нашего хозяина, невероятно красивой! Даже позволил бы его эпатажному дизайнеру выкрасить меня в какой-нибудь причудливый оттенок. А внутри рос бы розовый куст, - продолжало фантазировать правое, - я бы хорошо удерживал влагу для его корней и любовался бы, любовался...

- А я, - это левое заднее о своём, - я мечтаю о полёте. Я бы даже согласился быть тренажёром для хозяйских ротвейлеров. Подвесили бы меня на сук дерева, помнишь то дерево, огромное, там, где собак тренируют? Они бы кидались на меня, зубами цеплялись, хватку выработывали, а я еще крепкий такой, выдержал бы, и собакам радость.

- Дааа... как надоело-то на асфальт смотреть.

- Я бы хоть тренажёром, хоть бы качелькой для детишек. Чем ни полёт? Кач-кач, кач-кач, красота!

- Чёт тебя всё повиснуть на дереве тянет? Устал за стока лет по дорогам?

- У-гу.

Роллс-Ройс задумался. Он всё чаще стал слышать такие вот беседы между колёсами. И понимал, что всем им уже хочется новой, иной жизни. Ему самому даже не приходило в голову думать о своей дальнейшей судьбе, не мог он представить себя в другой роли, разобранного по кусочкам. Он - всему голова. И президент, и директор, и управляющий. Он имя, и он ответственность.

И, конечно, не мог Фантом слышать, о чём думала в это время сестричка запаска - пятое, запасное колесо авто. Она всегда находилась в отдалении от своих братцев. Всегда наедине с собой. На отдыхе. Работа у неё такая - отдыхать. И быть готовой заменить любого из рабочих. В самый неожиданный момент, в любой ситуации.

Запаска не без гордости размышляла о том, что важнее всех - она. Кто бы и что ни говорил. Как бы кто ни думал. Она - 911! Она - экстренная скорая помощь. Она - МЧС. Это главное. И потому она не работает, не спорит, не мечтает о пенсии. Она - просто есть. И это "есть" само по себе очень важно!

Перестали болтать колёса, затихли. Уснула и запаска. И сам мудрый Роллс-Ройс погрузился в сладкую дрему с мыслями о том, что все вместе они важны и нужны друг другу. Такие разные, и мечты у всех разные, и мысли. И именно в этом разнообразии есть гармония и великая радость быть полезными в этом мире!

Тайна.

Возможно, нашептало легким ветром,
 играющим в твоих вуальных шторах.
 А, может, разгадала по узорам
 из ватных сгустков, ослепленных светом.
 А, может быть, тебе луна мигнула.
 Та самая, что звездную ливрею
 окрасила серебряной пастелью.
 Окрасила - и в облако нырнула.
 Могли сказать оранжевые блики
 оживших фонарей, стоящих строем,
 что вас сейчас осталось только двое.
 всего лишь двое среди них. Безликих.
 Возможно двое, а возможно меньше.
 Гораздо лучше быть единым целым.
 Об этом рассказали белым мелом
 чужие пальцы. "Ты + Он". Так крепче.
 Касаньем легким от мечты до сердца.
 Твои запястья на его ладонях.
 И ты способна без мехов согреться.
 Пока тебя целуют, любят, помнят.

Вервальсф.

Небо - густо отваренный студень,
 улыбки сотен, забывая горе.
 содрогаясь от хриплого ветра,
 расплескался из лунного блюда
 на крупницы, пласты, километры.
 Равнодушные лунные руки
 проникали в уставшее тело,
 До нутра добираясь, до сути
 естества. И, достигнув предела,
 разрывали скрипящие цепи
 под аккорды утробного воя...
 Вот и призрак. Застывший навеки
 на распутье: герои - изгои.
 И несли в обезумевшей пляске
 ноги-лапы, срывая покровы
 сонных улиц, где черные краски
 вдруг разбавились свежим, багровым.

Ирина Бондарева

Мим.

Наверно, в мой приход душила скука
 того, кто был всегда и будет вечно.
 Ну, что же... Веселись. Я - бог вне звука,
 тебе подобный, только человеческий.

Пытаюсь отыгаться чистой картой
 тузам крапленным в цепких лапах рока.
 Все тщетно. Не меняются плацкарты,
 когда несешься в бездну сутолоки.

Я - мим. Не по призванию. По воле
 того, кому описаны молитвы.
 Он - там. Такой далекий. В ореоле.
 Я - здесь. Такой беззвучный и забытый.

Но, все к чертям... Я забелю огрехи
 уставшего лица. Слезу оставлю.
 И вот он я! И вот мои доспехи.
 Вот звуки-пальцы. Я дышу. Я правлю...

Наверно, в этом смысл вечной пытки:
 в беззвучии болтаться мне - изгою,
 чтобы собрать одной своей улыбкой

Умирили фонарные блики,
 отсчитав новых жертв вереницу.
 И луна - злодеяний улыка
 растворилась в дневной колеснице.
 Он лежал под распахнутым небом,
 и толпа линчевала изгоя...
 Пожирая звериное эго,
 он решил для себя стать героем.

Геннадий Загнетровский

Мелодия для аккордеона

1.

Электрички убегают, и без них мне кажется, что даже дышать уже трудно. Поезда не дают воздуху застояться, носят в себе тысячи живых душ, пролетают мимо, а я на месте стою. Чувствую себя небольшим центром Вселенной. Маленьким колышком, который кто-то вбил, отметил центр, да начал стройку. А потом забыл убрать. Так и стою. Кажется, прошла уже вся старость. Каждый поезд, пронсящийся мимо, уносит частичку меня. В те места, где когда-то я была. Память уносит все доброе и злое. Словно листки календаря, что отец отрывал каждое утро. Теперь их набралось множество, и разобраться в них никто не может. Никому не дано такой власти.

Я приезжала сюда каждое детское лето. Семейная традиция выезжать в Подмоскowie на дачу. И мне не было скучно только потому, что я была чрезвычайно любопытна и общительна до какого-то времени. Замкнутость и равнодушие – это вообще признак взрослости. А так как я была еще ребенком, у меня было много друзей.

Первой, кого я помню, была малиновка - Зюсю. Так я её назвала. Я болтала с ней, пока она ела хлебные крошки из кормушки. Мне тогда казалось, что ко мне прилетает именно она одна, и я решила дать ей имя. Ведь у всего единичного есть имя. Так на свете появилась малиновка Зюсю. И даже, если ко мне прилетали разные птички, среди них все равно была именованная мной пташка. Однако общения с птицей мне было мало. Ведь только люди по-настоящему умеют говорить. Ведь мало просто щебетать, нужно еще выражать понятно свои, и только свои, мысли.

Так у меня появился еще один друг. Это была женщина с черным котом. Кота, в сущности, я не любила. Он был молчалив и надменен, а хозяйка меня очень привлекала. Наверное, она слишком отличалась от моей светлой, теплой мамы. К этой женщине я никогда не обращалась по имени, всегда говорила ей: «Здравствуйте» и начинала рассказывать о своих приключениях. Она курила и внимательно смотрела на меня. Я постоянно оглядывалась, ибо мне всегда казалось, что она смотрит мне за спину. Я тогда не осознавала, что в её взгляде отражалась боль бездетной женщины.

Не вертись, послушай меня. Это зеркало.

Нет, малыш. Я не хочу смотреть туда. Просто я не люблю пустоты за спиной. Впрочем, ладно.

Такой же была она. Физически все было возможно, но было такое количество «но», что с ними в одиночку справиться она не могла. Женщина практически ничего не рассказывала о себе. Лишь однажды она обмолвилась, что когда-то была балериной.

Вот уж неблагодарная профессия. Тратить себя на красоту, в которую никто теперь не верит, а потом вдруг обрывается эта нить, и тянутся дни, где-нибудь в Подмоскowie.

На Зюсю и женщине-балерине мои подруги закончились, зато у меня был друг. Мой первый мужчина. Только не нужно понимать это грубо. По его образу и подобию я слепила идеального мужчину, как сотворил нас Господь. Вот он и является своеобразным Богом всех моих мужчин.

2.

Теперь мне кажется все черно-белым, как старое кино, да еще при этом без звука. Что-то обрывается, накладывается друг на друга. И из-за этого наложения проявляется нечто странное, близкое.

«...Сам он называл себя - Товарищ Егоров. Я просиживала около него целыми днями и слушала его рассказы о своем «красном» отце, которого я представляла себе круглым и похожим на помидор. В то время товарищ Егоров ночевал в какой-то будке на полустанке. А днем садился на стационарную скамеечку со своим аккордеоном и играл непонятную и незнакомую музыку. Грохот проходящих поездов иногда заглушал его, но они ходили так часто тогда, что на это почти никто не обращал внимания. Впрочем, и на музыканта тоже никто не озирался. Только я сидела рядом, да слушала его.

Он говорил, что это французская музыка, с вздохом произнося такое волшебное слово, ставшее теперь моим детством. Это было слово – «Хранция». Франция начиналась у него с буквы «Х» именно это я и любила больше всего. Аккордеон надрывался, расширился и сдувался, а когда мимо проходил поезд, мне совсем ничего не было слышно, ни Егорова, ни аккордеона, только шумное сердцебиение железной дороги отзывалась теплым ветром.

Товарищ Егоров любил поезда так же, как и я. Однажды он поведал мне историю своего приключения.

Был такой обычный мушиный полдень. Это когда солнце цепляется вон за ту сосну, тихо вокруг и много мух. Егоров играл надрывно плакучую мелодию, а я смотрела на его руки, перебирающие клавиши, и слушала. Только он вдруг оборвал музыку и начал скручивать папиросу из обрывка газеты и табака, смутного и таинственного происхождения. Именно тогда мне на всю жизнь понравился запах табака. Запах самосада.

Мимо нас на большой скорости проносился поезд с зарешеченными окнами. Он смотрел на поезд и тер подбородок. У меня до сих пор мурашки по коже от этого противного скрипа небритой щеки. Самосад струйкой улетал по ветру.

Потом Егоров закурил и совсем без предисловий начал говорить:

- Тогда я был совсем еще малыш, как ты. Нам с матерью пришлось уехать за границу. Она-то из белых была, а папаша из красных. Он-то нас по-тихому и отправил. Мы плыли пароходом, а потом ехали поездом. Поселились у какой-то маминной тетки, давно уже бывшей там, но такой же бедной, как мы. Мама. Она была тогда совсем молодой. И просила, чтоб я папашу называл папенькой. Я был хмурый мальчуганом и только сжимал зубы на все её просьбы. – Егоров выпустил дым через ноздри, тогда он показался мне драконом. Очень грустным и уставшим. Одиноким. Они все вымерли, остались только в книгах.

- Деньги мама почти не зарабатывала, этим занималась тетя Поля. Я, вообще думаю, что её мать когда-то согрешила и родила её не от своего мужа. Уж больно хваткой была эта Поля» – Товарищ Егоров посмотрел мне в глаза и усмехнулся. Он видел, что я его не поняла. – Она была из моего теста, деточка. – Я представила себе тетю Полю в духовке, и мне стало жутко. Ну а что еще делать с тестом?

Егоров продолжал:

– Мать я почти не видел. Она целовала меня с утра, гладила по голове и легонько отталкивала от себя. Будто бы не она должна сидеть со мной, а нянька придет и займется моим воспитанием.

- Я её не виню – Егоров хмурился. – Её просто так воспитали, и теперь она так относилась ко мне. Но няньки ведь у меня не было, вот я и шлялся по улицам. Больше всего любил слушать одного старика, игравшего на аккордеоне. Он сидел на углу соседней улицы и целыми днями играл ту же музыку, что я играю для тебя, моя милая. Казалось, он смотрит на всех сквозь стакан – опустошенный стакан». Он остановился. Я опустила голову и пробурчала, так чтобы он не услышал: «Разве товарищ Егоров, вы играете для меня только?». Он коснулся моей щеки. Пальцы у него оказались на удивление мягкими. Словно пыль на полированной поверхности рояля.

- «Конечно, я играю только для тебя».

- «А раньше, когда я вас еще не знала?».

- «Это ты меня не знала».

Тогда, я убедилась в том, что он действительно волшебный, этот Товарищ Егоров. Ведь он знал меня, а я его нет.

Он продолжал свою историю:

- Этот старик научил меня играть только французскую музыку. Но ведь я от этого не стал хуже. – Егоров бросил окурочек на платформу, проходящий поезд отстукивал одну восьмушку, и я совсем не слышала, что он говорил. – Мы жили во Франции три года. Последний год тетка просила маму работать, и она сидела по целым дням на углу дома, продавая цветы. Лето и начало осени были холодными, и мама, гревшаяся только шалью, заболела. Мне отец потом объяснил, что это была болезнь всех белых. Она называлась чахотка.

Я испуганно посмотрела на Егорова.

- У меня тоже зимой была «чихотка», но я не умерла. Значит я только наполовину белая.

Егоров погладил свой нос:

- Нет, детка, у тебя не могло быть чахотки, и ты не белая. Этого теперь нет.

Я покачала головой, уверенная в своей правоте:

- Как же не могло быть, если была. Я почти неделю чихала. Просто тогда была неразвита медицина.

Товарищ Егоров засмеялся. Но в глазах у него почему-то были слезы:

- Деточка, у тебя просто была простуда, а это разные вещи. Когда вырастешь, ты это поймешь.

- А, когда ваша мама умерла, вам было очень страшно, и вы плакали.

- Нет, деточка, отец забрал меня, сказал, что мама и так бы умерла. Что все белые были обречены.

- Все!? С кем?

Егоров не понял моего вопроса, а потом улыбнулся.

- Ты опять все перепутала, они были не обручены, а обречены. То есть они все равно бы все умерли.

- Знаете, Товарищ Егоров, что я вам скажу. Все равно все мы белые и даже вы, и даже ваш папа.

- Это почему?

- Потому что все мы обречены.

- Кто тебе сказал?

- Я слышала, что все умирают, только я не знаю, как это.

- Ты и без того знаешь больше меня. Беги, деточка, у тебя дома чай.

Московский поезд идет. Значит скоро пять.

Я молча ждала, пока люди растекутся из поезда - в поезд, а потом побежала домой. Я представляла себе Хранцию. И слышала, как Егоров играет на своем аккордеоне для меня.

Последние дни лета, я почти не появлялась дома. Зюзю перестала ко мне прилетать. По утрам я была у женщины-балерины, а в обед с Егоровым.

Однажды женщина сделала мне подарок. Она одела мне тюлевую юбку и назвала её пачкой. Я с ней была не согласна, потому что это была юбка, а не пачка. Но все равно в зеркале я была красивой. Юбку она мне подарила вместе с балетными тапочками, такими старыми, но все равно атласными и изящными. Вечером она уезжала в город и попрощалась со мной.

Я же сразу побежала к Егорову, потому что знала, что его музыка сегодня очень мне к лицу. Кстати, со своим лицом я разобралась еще в те годы, осознавая неоспоримую его красоту. Но Егорова на месте не оказалось. Его совсем не было. Я даже протерла глаза. Вроде как стена на месте, есть даже светлое пятно от рамки, а самой фотографии нет.

Приехал поезд, люди опять прошли. Я стояла посреди перрона. Маленькая, в тюлевой юбке и совсем без музыки. Это было со мной впервые. Я даже не думала о том, что мама меня накажет, за то, что бегала, и косички растрепались. Я даже не заметила, что потеряла ленту. Товарища Егорова не было.

Вечером я услышала, как мама говорила с подругой: - «Вот, как алкаши-то кончаются. Попал под поезд, только баян свистнул».

Но что значили эти слова? Аккордеон Егорова при мне никогда не свистел. А значит – это был не он? Поэтому я решила, что Товарищ Егоров отправился во Хранцию. Обидно только, что со мной-то не попрощался.

3.

Нет, милочка, нет. Я не сплю. Я стала взрослой. Теперь я понимаю, что, значит - быть обреченной. Это значит - видеть, как все родное тебе уходит, и ты не знаешь, как это остановить. Маленький камешек, брошенный в детстве, теперь превратился в камнепад. Или когда-то оторвав первый листочек с календаря, ты уже не можешь остановиться, пока не дойдешь до последнего.

Я часто бываю здесь - на полустанке своего детства. Уж давно не играют ханцузских мелодий. Нет и товарищей в стране, нет «белых» матерей. А чахотку победили еще при развитии социализме.

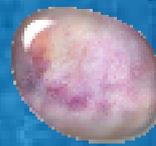
Сцена приблизила ко мне многих почитателей, но отдалила родных. Теперь, когда я не нужна первым, вторые так и не приблизились ко мне. Вот почему мне больнее всего от далеких воспоминаний. Детских и почти уже не живых.

Может пора съездить во Хранцию? М-м? Как ты считаешь, малыш?

Игорь Пичурин

Романсы глухих окраин

Сплетает осень свой жёлтый кокон.
Октябрь в унынье - необычаен.
Из утеплённых на зиму окон
Звучат романсы глухих окраин.

Оконца брызжут лимонным светом,
Там тлеет жизни костёр колючий;
Там копят годы, грехи, монеты
И в бога верят на всякий случай.

А кто не верит, тот ставит сети,
Ловя кумиров по белу свету,
А бог безмолвно следит за этим:
Ведь он не знает, что его нету.

Там время молча остановилось
У телефонной разбитой будки,
А постояло, и вовсе скрылось
На круглобокой лихой маршрутке.

Жизнь тихо тлеет окурком "примы"...
Чего же боле - финал печален:
Пятиэтажки неповторимо
Поют романсы глухих окраин.

Мир проснулся загадочный древний.
Новый день полыхнул синевой.
Мост Калинов сближает деревни,
Изогнувшись над речкой живой.
Гамаюны вернулись наемни
Из таинственной дальней страны,
Распахнула дубовые сени
Лубяная избушка весны.

Мчатся жизни крылатые кони
По закрученным вёрстам судьбы
Будто чьей-то страшатся погони,
Только пыли за ними клубы.
Время катит клубком по дорогам,
Время - лекарь и время - палаш,

И уже за пригорком немного
Виден лета зелёный шалаш.

Январь

Блестит зима поверхностью зеркальной.
Кругом она, не видно берегов.
Наполнен января бокал хрустальный
Предчувствием крещенских холодов.

Прорех не счесть в подушках-облаках.
Идёшь зажатый белыми тисками,
А снег хрустит так смачно под ногами,
Как пряная капуста на зубах.

Ноябрь

Деревья в сношенном наряде
Налиты соком ясных дней.
Дождь моет выцветшие пряди
Ветрами спутанных ветвей.

Ноябрь из нашего оконца
Подёрнут серой бахромой.
Ты закатала в банки солнце...
Ну что ж, погреемся зимой.

Мир загадочный

Там в глубоких озёрах - русалки,
Там в дремучих лесах - чудеса,
А в болотах гниют ёлки-палки,
И Кикимор слышны голоса.
Диск луны, словно хлеба краюха,
Сберегает покой вековой.
Молодильным берёзовым духом
Пахнет осени сруб золотой.

В небе молний игривые спицы
Вяжут осени шарф шерстяной,
Истуканов сердитые лица
Жертвы требуют очередной.
Пахнет осень дождём и грибами,
Пахнет воском и мёдом хмельным,

Но уже где-то строятся сами
Ледяные хоромы зимы.

Артем Мизираев

Мы играли в войну, как все дети, без зла, понарошку.
Выходили из боя гурьбою, шутя, без потерь.
Но война припасла и взвалила недетскую ношу
На мальчишечьи плечи, не знавшие груза смертей.

Мы смотрели на мир, легковерные дети асфальта,
Как на светлый, огромный, друзьями заселенный двор.
Но война, притаившись в ущельях чужого базальта,
Расстреляла мальчишечью веру и правду в упор.

Мы недавно ещё дневники доставали из ранцев,
Провожали, смущаясь, своих одноклассниц домой.
Но военное солнце, пожарами про туберанцев,
По мальчишеским стрижкам, как пеплом, прошлась сединой.

Мы играли в войну, как все дети, без зла, понарошку.
Выходили из боя гурьбою, шутя, без потерь.
Нас война перестала во снах посещать понемножку,
Только мы с ней, постылой, расстаться не в силах теперь...

Баллада о кедах

Мой брат носил три года кеды,
Мячи и кирпичи пинал.
В них выходил в кино «Победа»
И вышел раз в полуфинал.

Он холил их, берёг, лелеял
И влажной губкой протирал,
Подошвы им «БФ» - ом клеил,
Топтал газоны и спортзал.

Не обращался с ними грубо,
Врагам в обиду не давал,
Он выбил кедами три зуба
Тому, кто их не уважал.

На гребне той высокой моды,
Среди барачков и лачуг,
Носился символом Свободы
Родной советский каучук.

И были так неотразимы
В моих мальчишеских мозгах
Простые кеды из резины
На сбитых братниных ногах.

Уехал он в свою Алушту...
Я был подарку страшно рад.
А почему? Да, потому что
Из этих кедев вырос брат.

Роза Гальман

Дневник моей бабушки

(Повесть. Отрывок.)

«23.04.2003. Не могу удержаться, чтобы не написать пару строк. Сегодня первый вечер за последние полгода мы будем вместе всей семьей. Дениска так рассмеялся, когда я ему об этом сказала, словно и в самом деле все понял. Наверное моя радость передалась ему. Господи, все-таки я очень...»

– Оленька! Какое полотенце взять? – послышался голос Артема из ванной комнаты.

«Как маленький», – с улыбкой подумала Ольга и, не докончив фразу, убрала тетрадь на место.

– Иду, иду. Что бы ты без меня делал?

– Это точно! Я бы без тебя пропал!

– Не пропал бы, приспособился. Мокрому -то ходить не очень приятно, – подзадоривала Ольга, доставая с полочки чистое полотенце.

– Наверное, приспособился бы, но с тобой лучше!

Она поймала скользкую капельку на его блестящей коже и пальцем протянула ее вниз, оставляя извилистый мокрый след.

– Темочка, и мне с тобой так хорошо, что иногда даже самой в это не верится.

Она прижалась щекой к его влажной груди.

– Залезай ко мне, – тихо прошептал Артем.

– Не сейчас, там Дениска один, – так же шепотом ответила Ольга. – У нас впереди сегодня еще много-много времени, весь вечер и целая ночь.

Сегодня будет наша ночь, да?

– Да, моя любимая. Только наша, – и крепко поцеловал ее в губы.

Дениска уже спал. Ольга что-то напевала, убирая со стола посуду. Артем сидел тут же рядом и смотрел на жену. Странно, он видел ее каждый день, но совсем не замечал перемен, а они произошли. Из хрупкой нежной девушки Ольга за эти годы превратилась в молодую женщину, уже в свои неполные тридцать лет достаточно умудренную жизнью. Артем снова вспомнил тот кошмар, который им пришлось пережить.

Тогда он по-настоящему испугался за жену. Таких бесцветных, мертвых глаз он не видел никогда. Ни у кого. Что она там писала в пустой комнате? Он даже боялся зайти туда, чтобы не испугать и не помешать чему-то, видимо, очень важному для нее в тот момент. Артем передернул плечами, отгоняя жуткие воспоминания.

– Ну, кажется, все, – Ольга вытерла руки полотенцем. – Свобода!

И в это время позвонили в дверь – Кто бы это мог быть? – Ольга вопросительно посмотрела на мужа. – Может не открывать?

– Кто там? – спросил Артем, заглядывая в дверной глазок.

– Артем, это я, Михаил Михайлович.

Артем повернул ручку замка.

– Ребята, извините, что так поздно. Выручайте!

– А что случилось? – встревожено спросила Ольга, – Проходи, что в дверях-то.

Михаил прошел следом за ней на кухню, сел на табурет. Лицо его было растерянным и испуганным.

– Папа, ты в порядке? Что произошло?

– Я-то в порядке, Оленька, я бы не пришел к тебе, но у меня просто нет другого выхода.
– В чем дело-то, ты можешь объяснить толком?
– Бабушка. Ее полностью парализовало, уже месяц. А у сиделки что-то дома стряслось. Она мне только что позвонила. А у меня дежурство ночное. Я уже никого не смогу на замену позвать. Выручайте, ребята. Одну ночь всего. А завтра я что-нибудь придумаю.
– Может быть, маме позвонить? – неуверенно спросила Ольга.
– Я звонил, она сегодня ночью в командировку уезжает. Все одно к одному, как назло.
– Ах, да, точно. Я забыла, – Ольга посмотрела на мужа. – А Дениска как же? – словно цепляясь за последнюю соломинку, спросила она.
– Ладно, Оленька, до утра он проспит, а завтра я позвоню, отпрошусь на пару часов. Что же делать, раз такое случилось.
– Да, да, не больше. В девять я тебя сменю, – закивал головой Михаил.
– Постарайся побыстрее, я в машине подожду.
«Ну, Евдокия, как же ты ловко умеешь все испортить», – думала Ольга, натягивая тренировочные брюки. Но при всей антипатии к ней, отказать отцу она не могла. Ольга положила в пакет тапочки, накинула на плечи ветровку.
– Извини, Темочка, хлеб ты сегодня получил, а зрелища будут в следующий раз.
– Я подожду, – заверил ее Артем. – Аккуратнее там.
– Хорошо, не волнуйся. Я пошла, отец ждет, – Ольга чмокнула его в щеку и вышла на лестничную площадку.

Михаил открыл дверь своим ключом, и они вошли в небольшую прихожую, в которой помещалась только вешалка на три крючка и длинное узкое зеркало, прикрепленное рядом с ней на стене. Остальные стены этого «пяточка» были заняты дверьми. Как это ни странно, в квартире не было характерного запаха старости и боли. Скорее, наоборот, пахло чистотой и уютом.

Навстречу им из двери, видимо ведущей на кухню, вышла женщина лет 45–50-ти. Она то и дело прикладывала к глазам носовой платок, бесполезно пытаясь остановить набегающие слезы.

– Надежда Григорьевна, – тихо сказал Михаил, – Оленька до утра побудет, а потом я приду. Вы позвоните часов в десять-одиннадцать, мы придумаем, как быть дальше.

– Спасибо Вам, Михаил Михайлович. С ума схожу, что там могло случиться? – и, повернувшись к Ольге, продолжила, – сын в больницу попал, в травматологию. Никто ничего не знает. Мне только недавно позвонили. Все из рук валится. Что делать, не знаю?

– Не волнуйтесь раньше времени, – попытался успокоить ее Михаил, – в какой больнице он лежит, знаете?

– В 36-й. «Скорая» туда отвезла. Татьяна, жена его сказала.

– Ну, вот, уже легче!

– А теперь звоню, никто не отвечает, – она снова потянула платок к глазам.

– Успокойтесь. Если моя помощь будет нужна, обязательно позвоните. А я сейчас приеду к себе и тоже попробую что-то разузнать.

– Спасибо Вам на добром слове. А за Евдокию Елизаровну не беспокойтесь. Я все сделала. До утра хватит.

– А она что, совсем никакая? – осторожно спросила Ольга, косясь на приоткрытую дверь, за которой и должна была находиться неподвижная Евдокия.

– Да нет. Иногда глаза открывает. Тогда я ей пишу или говорю медленно что-нибудь, а она закрывает глаза – значит поняла или согласна. Но это редко бывает. Чаще лежит с закрытыми.

– А как же она ест и пьет?

– До утра ничего не надо. А там Михаил Михайлович сам знает, врач все-таки. Я уж побегу, милая, ты извини. Потом как-нибудь придешь, все расскажу, – ответила Надежда, открывая входную дверь.

– И мне пора, дочка. Если что – сразу звони!

– А что «если что»? Что-то может случиться? – Ольге вдруг стало страшно оставаться наедине с больной.

– Да что ты испугалась? – отец, как в детстве погладил ее по голове. – Сразу мне звони, – и вышел вслед за Надеждой.

Ольга повесила ветровку на свободный крючок рядом с плащом и пальто Евдокии. Эти вещам тоже было уже немало лет, Ольга их помнила еще с тех пор, когда маленькой бывала здесь. Они и тогда так же висели на этом месте.

«За столько лет ничего не изменилось», – подумала Ольга, переобувая тапочки.

Тихонько приоткрыв дверь, она вошла в комнату. Кровать стояла с левой стороны. В темноте были видны только ее очертания. Рядом на журнальном столике горел ночник. Ольга подошла ближе, присела на корточки. Она помнила этот фарфоровый домик, внутри которого на таком же фарфоровом столике зажигалась лампочка, сделанная в форме свечки. В детстве ей так хотелось попасть внутрь этого волшебного фонарика, но бабушка не разрешала даже потрогать его рукой.

Ольга прикоснулась к светящейся стенке домика и вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Она отдернула руку и обернулась. Глаза, немного привыкшие к темноте, уже различили прикрытый одеялом силуэт. Ольга сделала шаг по направлению к кровати.

Евдокия лежала с плотно закрытыми глазами. Волосы, перевязанные резиновой ленточкой прямо на темечке, маленьким ровным хвостиком покоились на белевшей в темноте подушке. Если бы не еле заметные колебания одеяла, можно было подумать, что Евдокия вообще не дышит.

Ольга повернулась обратно к креслу и увидела большое кресло со сложенным на подлокотнике пледом. Она села в него, подтянув под себя ноги. Мысли сразу перенесли ее домой. Она улыбнулась, представив себе спящего Дениску. Артемка наверное тоже спит. Может, даже это и к лучшему, хоть выспится по-человечески.

Ольга прикрыла глаза, но сон не шел. Она посмотрела на будильничек, стоящий здесь же на столике. Тоже – память из детства! Стрелки часов были покрыты специальным фосфоресцирующим составом, светящимся в темноте, и ей так нравилось следить за тем, как тоненькие палочки-стрелки перескакивают с одного голубого кружочка на другой, отсчитывая минуты ее жизни. Но тогда она этого не понимала. Да, наверное, и не должна была понимать.

«Жаль, что не взяла ничего почитать», – подумала Ольга, тихонько поднялась с кресла и подошла к книжному шкафу в противоположной стороне комнаты. В темноте названия книг различить было невозможно. Она наугад взяла несколько и вернулась к свету. «Горький, Пушкин, “Один в поле не воин”, – пробежала глазами по корешкам, но читать классиков сейчас не хотелось. – Хоть бы детектив какой-нибудь, чтобы прочитать и забыть».

Она снова подошла к шкафу, поставила их на место и провела рукой по книгам на нижней полке. Пальцы нащупали что-то маленькое, пухленькое, в мягком переплете. «Похоже», – решила Ольга, взяла книгу в руки и опять наклонилась к ночнику.

Это была толстая тетрадь в обычной коленкоровой обложке. Никаких надписей на ней не было. «Интересно», – Ольга опустила в кресло. Первая страница была сильно пожелтевшей и выглядела очень древней. На ней посередине крупными буквами было написано всего одно слово: «ДНЕВНИКЪ».

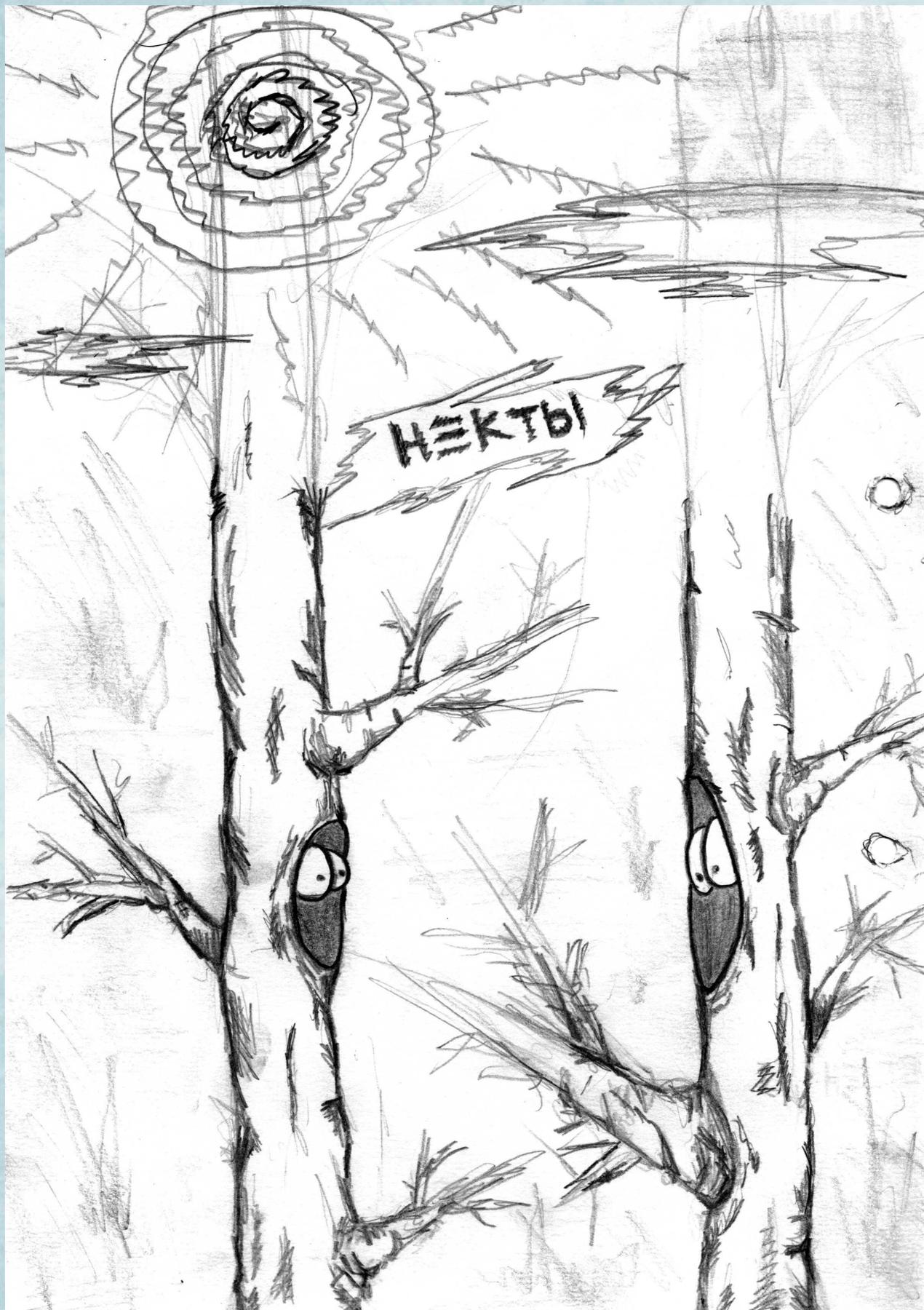
«Странное название, – подумала Ольга, переворачивая страницу. – Наверное, что-то “самиздатовское”».

«1933, 26 мая. По всей улице цветет сирень. Воздух – пьяный, и я сама – пьяная ото всего, что со мной происходит! Я влюблена в Мишеля! Он на два класса старше меня и конечно об этом ничего не знает, и никто не знает. Только этот дневник, которому я отныне буду доверять все мои самые сокровенные тайны...»

Полную версию повести смотрите здесь: <http://www.proza.ru/2010/06/18/124>

Семен Сахно

Некты

Виктория Горманова

Жизнь на излете

Сизая от инея, потрепанная карета, устало скрипнув, остановилась. Средних лет мужчина в военной форме, закутанный в пуховый платок, кряхтя, вылез:

- Матерь Божья, неужто доехали! – воскликнул он хриловато-осипшим голосом.

Следом прыгнул Иван Лопухин. Оглянулся по сторонам, дыша на замерзшие, бледные руки.

- Было б чему радоваться, - проворчал второй, грузный охранник, вываливаясь и встряхивая затекшие ноги, - приехали в преисподнюю, забытую Богом.

- Что-то ты попутал, Кузьма, - отозвался его товарищ, - здесь холодно, а в преисподней огонь.

Ваня их не слушал. Он с обреченным спокойствием осматривал место, где ему выпало доживать жизнь. Белесо-дымчатая бездна. Мерзлая земля под слоем спрессованного снега, редкие карликовые деревца. Март, а на весну нет и намека... Поземка метет снежную пыль.

«Доживать жизнь», - год назад такая мысль просто не могла прийти ему в голову. Скажи такое кто другой, поднял бы на смех, справившись о душевном здравии. Как можно доживать, если все еще впереди...! Но это – год назад. С того времени жизнь вытекла в небытие и подошла к концу. Только вот, к какому?

Хоть и была вероятность – умереть там, в Старой Ладогe, Иван справился с телесными недугами: и от пыток, и от простуды. Выжил. Но на душе раны не рубцевались. Неотступные чувства страха, униженности и беспомощности разъедали их. Это было сильнее всего другого: сильнее негодования, ненависти, спрятанных и задавленных, сильнее желания перемен. Ваня, как и многие ссыльные, прошедшие застенки, боялся возобновления следствия. Было немало примеров, когда людей возвращали из Сибири, да прямо в казематы Петропавловки.

Еще хуже то, что Иван совершенно отчетливо понимал: начнись все сначала, и он снова ничего не сможет противопоставить неуправляемому напору следователей, снова будет унижаться, оправдываться, умолять. Как бы мерзко не было. Страх сильнее. Здесь, на другом краю страны, узник еще борется со своим ужасом-наваждением, скрывает его. Чтобы, хоть другим казалось – у него есть остатки чести. Там отнимут и это.

Борьба с собой – тяжелая ноша – бегство от сумасшествия. Но бег по кругу. Сбросить ношу, упасть на обочине и забыться, как предел желаний. И Лукавый, тут как тут, - руками караульных наполняет чарку:

- Пошли, Иван Степаныч, выпей с нами.

Ваня помнит, к чему приводит опьянение. Чрез меры хорошо помнит. И страшась зелья, тянется к стакану, чтобы, хоть на миг, от утрашения избавиться. Отчаянно, себя презирая, за один лишь неестественный вздох...

Но урок он усвоил. Пьет Иван, молча. И не столько потому, что говорить трудно. Слишком велика плата за неосторожное слово.

Правда, намерения нынешних собутыльников, куда безобиднее, чем прежних.

- Есть и в нашей работе отрада, слышь, Кузьма, - улыбается оптимист - Фимка, - будешь детям рассказывать, как с князем бражку пил.

А все же, лучше помолчать. Пока дурманом укутаны мысли, Ваня получает передышку, смеется. Размягчается панцирь. Но протрезвев, он – вновь заложник душевных мук.

Неистребимый страх только иногда... Нет, не вытеснялся, лишь отодвигался в сторону другим, еще более тягостным чувством.

Иван никогда не был верующим. Не был он и атеистом, так сказать, по убеждению. Формально был православным. Таковым себя и считал. В церковь ходил, когда по этикету положено. Крест целовал. Но в его жизни как-то не находилось места вере. В ссылке начал думать о Боге. Конкретнее – об Иисусе. А еще точнее – об Иисусе и Иуде.

Христос простил Иуду. Возможно, когда-нибудь простят и Ваню все те, кого он предал. Родители уже простили, и любят. Он видел это в те два с половиной дня...

Но разве простил себя сам Иуда? Может ли предатель простить себя? Где взять на то разрешение? – Вопросы без ответов.

Боязнь и раскаяние – недобрые друзья. Они отнимали жизненные силы быстрее, чем зимний холод и летние сырость и плесень. И болезнь проникла в ослабленную плоть. Все чаще одолевали приступы надрывного кашля.

Однажды, прокашлявшись, Ваня отнял ото рта тряпицу и обомлел, ослепленный ярко-алым пятном, пронзившим белесо-серый мир. Скомкал всполох в кулак, прижал ко лбу и зажмурился. Дышал шумно и прерывисто в рыдании бесслезном. Затих. Потом открыл глаза и увидел... Увидел солнечный свет за мутной пеленой затянутого рыбьим пузырем окна. Пошатываясь вышел из тесного, сырого дома и поразился хрупкой прелести цветущей тундры и синеве низкого неба, и нежности ветра. В Охотск пришло лето. А Иван жил будто бы в вечной зиме, не замечая улыбки суровой природы. Но теперь прозрел.

Он пошел в тундру, которая начиналась сразу за воротами острога (днем были не заперты). Присел на оттаявшую землю, провел рукой по мелким, разномастным головкам цветов, названий которых не знал. Он слушал сердце, щемящее и замирающее... А Солнце грело, окутывало теплом. Тепло Солнца вдруг стало теплом женских рук, скользнуло по плечам, на щеки, прикрыло глаза. Ваня отвел эти желтовато-смуглые ладони и удивленно вгляделся в широкое смуглое улыбающееся лицо с узко-раскосыми карими глазами.

- Нука? – сказал он - будто в первый раз услышал ее имя.

- Здравствуй, Ваня, - ответила улыбчивая девушка.

Иван продолжал ее разглядывать. Как давно он ее знает? Впрочем, знает ли? Сколько раз она приходила к нему? И когда она пришла в первый раз? Прошлым летом? Кажется, принесла оленину и осталась на ночь. Ему тогда объяснили, что по здешним нравам в близости посторонних мужчины и женщины нет ничего зазорного.

- Почему ты так смотришь? – Нука вскинула широкие полукруглые брови.

Ваня обнял ее и поцеловал в смугло-розовые губы, нежно и страстно, чем удивил еще больше.

- Ты сегодня какой-то... другой...

- Какой?

- Какой-то..., - Нука сосредоточенно нахмурилась, выбирая нужное слово, - счастливый...?!

Ваня засмеялся, прижал девушку к себе. – А ты не шаманка, а? – спросил он, вдыхая запахи дыма и трав, исходящие от ее волос и одежды.

- Нет, - серьезно ответила эвенка, - шаманы у нас Он не дал ей договорить.

– Нет? А в душу заглядывать умеешь, - прошептал Иван задумчиво.

Жизнь на излете свободна от страхов. Теперь в ней есть место радости... и счастью тоже. Пусть недолгим... Зато не долететь уже черному воронью: не успеют, не достигнут и ничего уже не отнимут.

Весть о скорой своей кончине разные люди воспринимают по-разному. Для Ивана Лопухина это стало яркой вспышкой в завершении серого и беспросветно-безвольного угасания. Его новая жизнь..., скорее даже сверхновая, была насыщенной впечатлениями и чувствами. В полновкусии этом была и горечь. Горечь неизвестности близкого перехода в иное бытие и горечь неискупленной вины. Но иной мир никак не мог быть суровее этого, а вина... С этим чувством сложнее. Не отмахнешься как-нибудь. Но Ваня старался убедить себя в том, что любой грех искупается страданием, а страданий у него было, вроде бы, довольно...

Нука стала приходиться часто. При ее появлении лихорадочный румянец на бледных щеках разгорался сильнее. Отныне она не была туманным призраком бесцветного сна или бреда, на которые походили прежние дни и ночи. Он увидел ее живую, задорную, горячую. Он много хотел знать о ней. Она рассказывала. Оказывается, их племя живет оленеводством, весной приходит к берегу моря, а на зиму уходит в тайгу. Оказывается, Нука была замужем, и ее муж утонул три года назад. Оказывается, у Нуки есть дочь.

Однажды Нука пришла со своей девчушкой – очаровательное создание лет пяти, забавно щебечущее что-то на эвенкийском. Она пряталась за материнскую юбку, дружелюбно улыбалась, но подойти отказывалась. Тогда Нука присела рядом с ней на корточки, пошептала на ушко. После этого девочка вытащила из-за пазухи деревянный амулет, подбежала к Ване, протягивая вещицу, а когда он наклонился к ней, крепко обняла за шею.

- Что ты ей сказала?

- Я сказала, что теперь ты ее отец.

Ваня прижал ребенка к груди. Как ему было выразить чувство, стеснившее дыхание? Он – отец этой маленькой девочки! Разве мог он хотя бы мечтать... Разве думал он о том, что есть в жизни такое счастье, когда кто-то маленький, искренний и добрый говорит тебе: «Папа!» Да, он – ее отец!

Потому что он любит эту девочку, потому что желает ей счастья, потому что сердце сейчас готово выпрыгнуть и сгореть дотла, лишь для того, чтобы подарить ей немного тепла и света! Наверное, для этого он родился и жил. И как отблагодарить женщину, подарившую ему дочь? Он обратился к ней взгляд. Нука рассмеялась.

- Дуннэ, хватит, пойди погуляй, - сказала она дочери.

Девочка со смехом вырвалась из Ваниных объятий и, громко топоча, выбежала из дома.

- Не думала, что ты так обрадуешься ей.

- Нука, спасибо..., - произнес Иван, и голос сорвался. Он хотел обнять женщину и тут обнаружил в своей руке деревянную фигурку.

- Это Аями – дух-помощник, он защитит тебя от злых духов.

- Мне бы раньше такого защитника, - улыбнулся с грустью.

- Никогда не жалею о том, что было, - сказала эвенка, заглядывая ему в глаза, - все что было – ушло. Важно то, что сейчас.

- Да....

Ваня вздохнул, привлекая Нуку к себе. С того времени главным смыслом в жизни узника стало – радовать Дуннэ. Он страшно сожалел о том, что практически ничего не умеет делать: ни вырезать, ни шить, ни плести.... Впрочем, девочка радовалась любым мелочам, а особенно, играм. И Ваня играл с ней, испытывая детский восторг, всякий раз, когда она заливалась смехом.

В один из холодных осенних дней Нука сообщила, что пришло время их племени уходить на зимнее кочевье в тайгу. Ваня снял с себя крестик и надел на шею Дуннэ.

- Это наш Бог. Он будет тебя оберегать. Он всегда защищает... тех, кто этого достоин.

Ночью Нука прошептала:

- Мы с Дуннэ будем по тебе скучать.

Ваня сглотнул подступивший к горлу ком. Он все время старался не обращать внимания на ухудшающееся с каждым днем здоровье, не замечать приступов озноба, слабости и кровавого кашля. Но сейчас...

- Нука..., я ведь тоже скоро уйду..., только....

- Я знаю, - Нука положила голову ему на грудь. – Наш шаман ставил тороан и спрашивал о тебе Хуту, Ёрха и Саньси. Они сказали, что Майин упустил нить твоей души, и тебе нужно уходить в Буни.

Голос эвенки звучал обыденно, и Ваня почувствовал обиду.

- И тебе совсем не жаль?

«А почему ей должно быть жаль? Нука спокойно говорила о смерти мужа, с чего ей грустить обо мне? Ни к чему жалеть о прошлом! Она радуется жизни – и правильно».

- А тебе что, жаль? Но от чего?! Это нам без тебя будет плохо, но грустить нельзя, нужно радоваться за умершего.... В Буни люди живут такой же жизнью, как и на Земле: охотятся, ловят рыбу, строят жилища, шьют одежды... Но только в Буни все плохое становится хорошим! Там к тебе вернется твое здоровье, будет хороший дом, одежда, много вкусной еды. Я тоже туда приду, и мы снова встретимся.

Иван тихо засмеялся, зарываясь лицом в черные, жесткие волосы, пахнувшие костром.

- Мы? А как же твой муж?

- И с Галгалом тоже, - Нука не поняла, зачем Ваня спрашивает о том, что и так ясно.

- Так, с кем же ты будешь: со мной или с ним?

- И с тобой, и с ним, - женщина утвердительно кивнула для большей убедительности. «Все-таки они странные – бледнокожие люди с западной земли»

- Ну, хорошо.... Что еще бывает в Буни?

- Все, как здесь. А потом оттуда тоже уходят к истокам реки Энгдекит и превращаются в Оми – души детей, которые принимают облик птиц, а затем попадают в женщину, и у нее рождается ребенок. Так что, ничего плохого в этом нет – не бойся, Ваня! Я попрошу шамана, и он проведет твою душу в Буни, чтобы ты сам не заблудился.

Утром они расстались. Дни узника снова стали неотличимыми друг от друга. Но жизнь не стала белесо-серой, как прежде. Остались воспоминания о Нуке (которую он, для себя, называл женой) и их дочке. Ваня не чаял дожить до весны. Но видно, столь велико было желание еще раз увидеть своих девочек, что он дотянул до времени, когда океан начал взламывать ледяные латы.

Иван уже почти не вставал с постели, временами бредил. Болезнь разъедала легкие, камнем перекрывала дыхание и, наконец, выплеснулась потоком густой, воспаленной крови на жестко-влажную подушку.

Он не захотел проводить последние часы жизни на кроватной лежанке. Держась за стену, дошел до двери, дрожащими от слабости руками отодвинул засов и вышел на воздух. Как был, в одном исподнем, промокшем от пота. Не обращая внимания на ветер и мокрый снег, спотыкаясь и падая, добрался до ворот. С этого места было видно море, вдалеке сливающееся с небом. Над головой все сплошь было затянуто тучами, а там даль прозрачна.

И там из моря в небо выливалась утренняя заря.

- Ты куда? – окрикнул конвой.

- Подышать хочу, - прохрипел узник, держась за грудь.

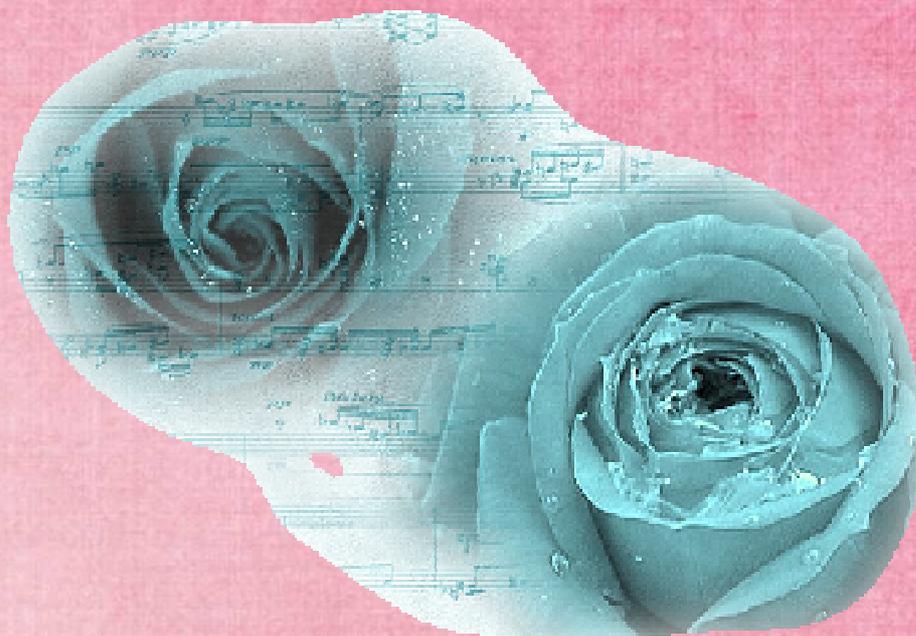
- Да, пусть выйдет, - сказал другой, - не убежит.

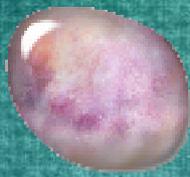
- Раздетый?

- Все одно – не жилец.

И Ваня пошел к морю. Он уже дрожал не только от слабости, но и от холода. Но море звало. Снег облеплял. Зубы стучали, а грудь сжигал огонь. Когда босые ноги ступили в воду, их стянула судорога. Поскользнулся. Упал в колющуюся кусочками льда купель. В первый момент холод мучительно сдавил тело. Ваня хотел встать, но не смог. Очередной приступ кашля придавил к воде, в которой быстро гасли багряные всполохи. Может быть, это от них вода нагрелась. Стало вдруг тепло и спокойно, как от бокала подогретого вина. И также затуманился взор. Но Иван хотел увидеть Солнце. Казалось, если Господь позволит взглянуть на солнечный лик, то тем явит свою милость, свое прощение. Ваня цеплялся взглядом за горизонт, где небо и море отражались друг в друге, и ждал. Ждал! А светящийся алый диск величаво выкатывался из стыка двух миров. Все было хорошо. Теперь можно было поддаться усталости и закрыть глаза....

Его заледеневшее тело нашли в полосе прибоя. В тот же день тихо, без церемоний похоронили. Не было и поминок, если не считать того, что собиравшиеся домой Кузьма и Ефим опрокинули несколько чарок за упокой души усопшего. А через год, как принято у эвенков, шаман Гтехантатах по просьбе Нуки совершил обряд проводов духа ее бледнокожего мужа в Буни. Шел 1748 год. В Охотске Иван Лопухин прожил немногим больше трех лет.

Михаил Соболев Дядя Гриша

Население посёлка Кривая Падь, состоит из пяти - шести семей переселенцев, бежавших в тридцатые годы от голода с Украины и Поволжья и десятка два сезонников - мужчин, прикипевших сердцем к суровой северной красоте, оставшихся здесь на зиму, женившихся на местных красавицах и, волей – неволей, влившихся в какую-либо из семей. Они-то, эти самые приезжие, люди, в большинстве своём, городские, поработавшие в своё время на заводах, и составляли основной костяк ремонтников.

Возглавлял Рыбобазу в тот год Анатолий Гаврилович Виноградов. Мягкий интеллигентный человек, приехавший на Северный Сахалин вместе с женой, с одной единственной целью, заработать за три года, предусмотренные договором, средства для покупки жилплощади на родине.

Я - молодой, самоуверенный инженер - механик, по статусу - первый заместитель директора, не сразу сработался с Анатолием Гавриловичем. Привыкший всё делать по-своему, не признающий авторитетов, импульсивный и, по причине молодых лет, излишне энергичный - первое время встречал в штыки его распоряжения. Терпение, мудрость и мягкая настойчивость Гаврилыча, как мы его называли за глаза, не позволила перерасти противостоянию в открытый конфликт. Впоследствии мы с ним подружились.

Как я уже говорил, основное население посёлка составляли разросшиеся семьи переселенцев.

Григорий Семёнович, родоначальник клана Ражных исполнял в рыбоцехе обязанности возчика. Как он сам говорил:

- Тпру! Но!

Человек неграмотный, не умевший ни читать, ни писать, постоянно пьяный, матерившийся через слово и никогда не вынимавший самокрутки изо рта, был, тем не менее, всеобщим любимцем посёлка. Подкупала в дяде Грише его детская непосредственность, незлобивость, готовность оказать помощь и страстная любовь к лошадям. На конюшне Григорий Семёнович проводил дни и ночи, бывало, и спал там, на сеновале. Не умеющий требовать ничего для себя, старый возчик мог до хрипоты ругаться с начальством, если ущемлялись интересы его питомцев: старого мерина Серого и вороного красавца Трезора.

Начальство не жалуется крикунов, но на дядю Гришу долго обижаться было невозможно. На моей памяти неоднократно происходила такая картина.

Ражной, разругавшись поутру с Гавриловичем из-за незавезённого фуража, уже к обеду, пьяный в стельку, стоя в санях запряжённых Трезором, на бешеной скорости подлетал к конторе и во весь голос кричал:

- Горыныч, курва!

Анатолий Гаврилович, окна кабинета которого смотрели на дорогу, неторопливо выходил на крыльцо. Покачиваясь с носков на пятки и заложив руки в карманы брюк, какое-то время, молча, любовался, с трудом сдерживающего нервного жеребца возчиком, - Ражной под его взглядом заметно начал снижаться, - и спокойно повторял, ставшую уже дежурной, фразу:

- Григорий Семёнович, ты уволен. Сейчас иди домой спать, а завтра приходи в бухгалтерию за расчётом.

На утренней планёрке в небольшом кабинете директора яблоку негде упасть. Собрались мастера, бригадиры - обсуждаем текущие дела. И, вдруг, с грохотом распахнулась дверь и возмущённый Гаврилыч, прервав выступление на полуслове, замер с раскрытым ртом. А в кабинет, преследуемой секретаршей, ворвался в распахнутом полушубке и валенках, потный, расхристанный с выпученными заплаканными глазами дядя Гриша, упал на колени посреди кабинета и с размаху ударился лбом об пол:

- Горыныч, прости! Без лошадок я помру! Я эту курву, водку, у рот, больше не возьму!

Всем весело. Директор, сняв очки, потёр усталые глаза:

- Всё, всё, дядя Гриша. Иди, работай.

Самое замечательное, что подобная картина повторялась с периодичностью в две - три недели.

В одну из вьюжных зимних ночей случилась беда.

Дядя Гриша вёз из соседнего леспромхозовского посёлка запчасти. Санный путь пролегал по льду пролива. По береговой кромке зимой не проехать. Берег засыпан снегом вперемежку с выброшенным штормом обледенелым мусором. Пьяненький Ражной, задремав, не заметил во льду промоины. Сани с седоком остались на льду, а бедняга Серый очутился в ледяной воде. Место, к счастью, оказалось неглубокое, что и спасло жизнь возчику. Конь встал на дно, но выбраться на лёд уже не смог.

Пока Григорий Семёнович добежал до посёлка, пока поднял народ - времени прошло не мало. Общими усилиями Серого выволокли на ледяную кромку, но он сразу, же лёг. Понимая, что, с минуты на минуту, Серый может подохнуть, мужики решили коня прирезать. Разделанную прямо на льду тушу можно было перевезти в посёлок и попытаться продать конину, что бы хоть как-то компенсировать деду неизбежный денежный вычет.

Когда дизелист Гиндуллин, татарин и лошажник завжикал ножом по бруску, дядя Гриша со слезами на глазах, сгорбившись, побрел домой сквозь пургу один, повторяя:

- Курва я, Серого загубил!

Лежавшего в горячке простудившегося ночью старика пожалели и коня сактировали. Конина досталась собакам.

Болея дядя Гриша долго и тяжело. Было время, собирались отправлять его в городскую больницу, заказав спецрейс вертолёта. Но старый возчик, всё же, поднялся. Как только силы стали возвращаться к Ражному, он сразу же стал потихоньку навещать и обихаживать Трезора и, однажды, сидя на планёрке, мы услышали визг полозьев, разбойничий посвист конюха и его хриплый голос:

- Горыныч, курва!

Анатолий Гаврилович улыбнулся:

- Ну, вот, слава богу, дядя Гриша, похоже, поправился. Значит, с планом мы справимся.

Хала-Бала

Андрюху Семёнова поселковые острословы прозвали - Хала - Бала. Прозвище, полученное не только за любимое им присловье, но и за склонность к пустопорожней болтовне, к нему как-то сразу прикипело. Через год после появления Андрея в Кривой Пади мало кто уже смог бы вспомнить настоящее имя парня.

Хала - Бала и Хала – Бала.

Весёлый и компанейский, имея от рождения характер лёгкий, покладистый - Андрей, откликаясь на прозвище, смеялся вместе со всеми. Работящий, непьющий и некурящий Хала – Бала имел лишь один недостаток - любил деньги; всерьёз верил в возможность чудесного и быстрого обогащения и постоянно пытался всем и вся поведать об очередном разработанном им проекте лёгкого и, главное, быстрого обретения баснословного богатства. Особенно ему нравилось проверять лотерейные билеты и облигации Золотого займа. Перед тиражом Хала – Бала становился беспокойным, замкнутым, раздражительным, не похожим на себя. Ничего не выиграв - не огорчался, а дождавшись очередного тиража, опять бежал в сберкассу, сжимая в мокрой дрожащей ладони блокнот с записанными «счастливыми» номерами. Склонившись над газетой, и заслонив блокнот от посторонних глаз ладошкой, долго водил пальцем по колонкам тиражной таблицы, беззвучно шевеля губами и от старания высунув язык, обливаясь потом и, то и дело, меняясь в лице. Убедившись в очередном проигрыше, быстро приходил в себя, испытывая непонятное облегчение. Потом всё повторялось снова и снова.

В Кривую Падь Халу - Балу завезли по оргнабору, как и всех, на сезон. По окончании путины домой возвращаться он не захотел. А продлив договор с рыбокомбинатом уже на три года, остался в посёлке. Платили на Сахалине в те годы неплохо.

Рассказывал, что сам родом из-под Курска, - родителей, мол, нет, - что живёт с сестрой и собирается здесь, на Сахалине, заработать на дом, машину и хозяйство.

- Приеду, первым делом отдохну и - по гостям. Туда - сюда, Хала - бала. Потом, выберу место для дома, обязательно на взгорочке, завезу кирпич. У нас райцентре кирпичный завод. Дом буду строить двухэтажный, под железной крышей. Это вам не Хала - бала. Чтобы выше всех! – Лицо Андрея разругалось. - От сеструхи – уйду, - он машет рукой. - Заведу скотину, зерна у нас полно - буду в городе свининой торговать. Вот тут у меня всё подсчитано, - и, тут же, доставал блокнот с расчётами.

Просился Хала - Бала всегда на самую тяжёлую работу, туда, где больше платили. Бил в тайге бутовый камень, для строительства пристани.

Каждый год пристань, к которой причаливали траулеры, сдающие на засолку рыбу, осенними штормами раскатывалась на брёвнышки, которые потом штормовое море разбрасывало по береговой полосе на многие километры. Зимой причал строили заново. Далеко в тайге заготавливали лес и камень. Рубили ряжи, похожие на огромные срубы домов. По льду волоком ряжи стаскивали в пролив, по линии будущего причала, подрубали под ними лёд и затопляли, загружая заготовленным камнем.

Камень били вручную. Стальные клинья, лом да кувалда - вот и вся механизация. Платили, правда, хорошо, с кубометра. Летом Хала - Бала солил селёдку - работая день и ночь без выходных, копил и вёл учёт заработанного.

Подошло время окончания договора. Хала - Бала перестал спать, всё считал. И надо же было такому случиться, что как раз к этому времени подоспел тираж Золотого займа и, наш Хала - Бала выиграл пятьдесят тысяч. И это в семидесятые годы, когда новая автомашинка стоила около трёх тысяч рублей.

У парня зашёл ум сразу. Хала - Бала забросил работу и дней десять ходил по посёлку с бессмысленной улыбкой на лице. Хватал всех встречных за пуговицу, рассказывая о своём везении. Местные пожимали плечами:

- Дуракам - везёт!

Бригада, как водится, потребовала магарыч, хотел гулять в столовой. Хала – Бала, подумав, решил сэкономить и отпраздновать удачу у себя дома, в субботу. Закупили два ящика питьевого спирта, у местных: сала, огурцов, картошки. В засольном цехе дали горбуши. Билеты на самолёт Андрей заказал заранее.

Гуляли всю ночь. Спирт не разводили: «Зачем продукт портить?!». Непьющий Хала - Бала свалился первым. Его будили, в который уже раз поздравляя с выигрышем, и подносили очередной стакан. Андрюха, вытирая пьяные счастливые слёзы, пил.

В воскресенье, как и положено, пришли опохмеляться. Дверь в квартиру была открыта. Хала - Бала лежал на полу на полпути между кроватью и коридором. Похоже, полз к воде. Лицо покойника налилось дурной кровью, посинело.

Было следствие - криминала не нашли. Причиной смерти признали острое алкогольное отравление, стандартное медицинское заключение для севера. Оставшиеся деньги, сберкнижки и выигрышный билет Золотого займа следователь изъяв, подшил к делу.

На телеграмму домой, получили ответ от сестры Андрея Надежды с просьбой до её приезда брата не хоронить. Мол, она увезёт тело на родину. Покойника положили в открытом гробу в бондарный склад, на холод.

Надежда прилетела через две недели. За это время крысы объели у трупа лицо. На похоронах гроб не открывали.

Деньги Надежде в милиции не отдали, предложив по истечении шести месяцев законным путём добиваться получения наследства. Надя, поплавав, на поминках напилась и стала приставать к мужикам. Правда, никто не соблазнился.

Утром опухшая женщина, придя в контору, заявила о том, что тело на материк не повезет, и попросила денег на обратный билет.

Похоронили Хала - Бала на местном кладбище. За посёлком.

Любля

Василия Петухова и его жену, Матрёну, знает всё побережье. Сам Петухов работает на тракторе, а тракторист на селе - человек уважаемый! Кто дров из тайги привезёт? Кто весной огород вспашет и дорогу зимой к дому в снегу пробьёт? То-то же!

Плюгавенький, и в самом деле похожий на задиристого петуха, Василий Петрович никому не отказывает и цену не заламывает, сколько дадут. Спирт Петухов не пьёт, берёт деньгами. Домой спешит, к своей Матрёне.

Матрёна Ильинична печёт для посёлка хлеб. Лучше кривопадского хлеба в округе не едали. Когда подходит на пекарне хлебушек, по посёлку плывёт такой сытный дух, что поневоле во рту накапливается слюна; спешешь, скорее, домой, за стол.

Зачастившие перед путиной к нам городские начальники, обязательно берут домой, в Александровск, три-четыре буханки местного хлеба.

Сыновей у Василия и Матрёны двое: оба давно уже выросли, отслужили и разлетелись по свету. Шлют родителям к праздникам открытки, а проведать – так не дождёшься.

Дом у Петуховых, самый большой в посёлке, стоит в центре и гордо смотрит шестью окнами фасада на магазин, почту и сберкассу.

В воскресенье, в клуб на кинокартину, супруги идут не торопясь, под ручку, нарядные, на лицах – довольство. Дородная краснощёкая Матрёна приветливо раскланивается с односельчанами. Рядом семенит шуплый низкорослый Василий Петрович - в костюме, галстук, и серой шляпе набекрень.

И всё бы хорошо, если бы...

Трезвенники Петуховы два раза в год, в мае и октябре, справляют свои рождения.

Матрёна Ильинична печёт пироги, тушит гуся. Скуповатые супруги гостей не приглашают. Зачем? Им и вдвоём хорошо.

Всё чин - чинарём. Муж и жена за праздничным столом одеты в новое, красивые и влюблённые. Лёгкий морской ветерок чуть шевелит занавеси приоткрытого окна. Матрёна потчует мужа:

- Вася, попробуй икорки малосоленной, меня в засольном, Валентина угостила:

- Спасибо, Матрёнушка, - всё более краснеет лицом Петрович, - это какая Валентина:

Кулагина что ли?

Через часок -полтора тональность разговора меняется:

- Мог бы поднять и на улице, стирать занавески мне придётся...

-А пошла бы ты... в баню!..

Петрович в сердцах встаёт из-за стола и уходит в палисадник. Матрёна Ильинична задвигает засов на входной двери:

- Вот и ночуй там, в бане!

Спокойно докурив и аккуратно загасив окурочек, глава семьи направляется к поленнице. Взвесив на руке самое тяжёлое полено, крушит ближайшее к входной двери окно. Следующее окно выносит изнутри Матрёна табуретом. Третье - Петрович. Опять - Матрёна.

Военные действия идут в полном молчании. Слышен лишь звон стекла, треск ломаемых рам и надсадное дыхание Петуховых.

Когда в доме и на веранде не остаётся ни одного целого окна, Петрович закуривает, и, полюбовавшись на результат, идёт к соседям проситься на ночлег.

Давно собравшиеся поселковые кумушки подчеркнуто вежливо здороваются:

- Здравствуйте, Василий Петрович.

Утром Матрёна Ильинична берёт бутылку, заворачивает в холстину нетронутый пирог и бежит через дорогу просить у супруга прощение. К чести Петухова, он долго не ломается и, опохмелившись, степенно возвращается в лоно семьи, сопровождаемый семенящей позади него счастливой женой.

Всю неделю Петуховы ремонтируют разрушенное жилище.

Это всем знакомое кино соседи смотрят регулярно, два раза в год, и удивляться давно уже перестали. Лишь однажды рыбобазовский кузнец Миронов не выдержал:

- Петрович, чем так мучиться, разошлись бы, что ли... - Ус Петухова дёрнулся, лицо налилось свекольным соком:

- Ты что, охренел? Я люблю её!

Марина Дэвис

Спящее облако

Галя закашлялась. То ли поперхнулась, то ли заболела. Хотя с чего болеть – июль на дворе. Жарко.

Саша сидел на продавленном синем диване. От дивана пахло кошачьим кормом и докторской колбасой.

Саша рассматривал белый потолок и терпеливо ждал, пока Галя откашляется.

Кха-кха.

На стенах - розово-фиолетовые потеки. Если правильно наклонить голову и левый глаз чуть прищурить – пятна похожи на целлюлитные женские ножки. Саша усмехнулся:

- Помнишь, был сентябрь мы отмечали поступление. Сколько нас было? Человек двадцать. Тридцать? Саня был. Ну, помнишь – металлист. С этими. . . вихрами по плечам. Косматый. Помнишь, да? Ты еще танцевала под эту... как ее... Вай-вай- я-лав-то си-ю-край-ай донт-ноу... не помнишь...

Кха-кха-кха.

- Ты еще танцевала, у тебя юбка такая была... коротенькая-коротенькая. С большими пуговицами. С ремешок такой был лакированный – бля-м-блям. Помнишь, ты еще туфли сняла, стала босиком танцевать, а я открыл вино... и мы брызгали его на стены. На пол лили. Помнишь? Еще коменда хотела ремонт заставить сделать. Так возмущалась, так кричала.

Кха-кха-кха.

- Не помнишь. Ты водички попей. Говорят, помогает. А может, у тебя бронхит? Тогда к доктору надо. А доктора помнишь? Как его... Леонид Иванович. Петровский. Он еще нам лекцию по половому воспитанию читал. Краснел так смешно, когда про презервативы рассказывал. Как ты смущалась, помнишь? А зубного помнишь? Как ты повела меня лечить зуб мудрости, а Гена-стоматолог был с такого конкретного бодунища... Он мне чуть десну не изуродовал. Саша демонстративно потер щеку и соорудил страдальческую гримаску.

- Да... бывали дни веселые. Вам бы ремонт сделать. Диван вот... где нашли только такой? Как из фильмов ужасов. Ну, когда главная героиня садится, и за подушками нащупывает чьи-то кишки... Он раскладывается?

Кха-кха. Кивок.

- А помнишь, мы смотрели фильм, там за диваном труп проститутки нашли? Как же этот фильм назывался... Тарантино что ли снял. Или Джармуш. Или Родригес. Ладно. Кому какая разница. Но хотелось вспомнить. Что-то с памятью моей стало.

Галя перестала кашлять, открыла шкаф и достала банку кофе.

- Зачем ты травишь свой прелестный молодой организм растворимой бурдой? Мне тут говорили знающие люди, академики – вся эта таблица Менделеева в одном стакане – прямой путь к гастриту. А еще на сердце плохо действует. Но я за твое сердце особо никогда не волновался, и уже не буду. Оно у тебя мало того, что каменное, так еще и занято постоянно. Как мишкин телефон. Не поверишь – вчера с Люсей звонили-звонили, и все одни короткие гудки. А потом абонент вне зоны. Обидно было. Пообщаться хотелось – мы же с ним с детского садика друг друга знаем. На горшках сидели рядышком. Я тебе не рассказывал, его в десятом классе скины сильно избили – у него мать киргизка, глаза черные, волосы курчавые – я его домой на себе тащил. Притаскиваю, несу в ванную – а он жирненький такой был, рыхлый, весь в крови – сел и плачет. Такой большой – и плачет. Два года назад его встретил – на «охотке», вытянулся, подкачался, приоделся. Теперь не киргиз – а чистый италиец. Итальянец в смысле. Идет, деловой, бабу обнимает.

Галя открыла балконную дверь.

- Ну, чего ты на балкон босиком идешь? Зачем на холодном пятками стоишь? Дурьнда ты такая. Мне недавно рассказали знающие люди – у нас на пятках очень важные нервные окончания расположены. Ноги вообще беречь надо. У меня был дядька, я к нему в деревню ездил в детстве. Он вместе с одноклассниками пошел в поход. И отморозил ноги. Отрезали. Представляешь? Ступней нету. Правда, дядька помер лет так восемь назад. А ты глупая,

босиком стоишь. Я к тебе приду. На меня не смотри – мне босиком можно. Я же как бык. Ха-ха.

Кха-кха.

- Нет, точно ты болеешь. Заболела. А может, у тебя аллергия? На тополиный пух? Та-па-ли-ны-й п-у-х, жа-ра, и-ю-ль... ля-ля-ля-ля – в неебо. Все-таки вид отсюда – великолепный. Какой этаж? Четырнадцатый? Вооон – пароходик. Смотри, смотри, – Саша радостно запрыгал на одной ножке и захлопал в ладоши. – Небошь, свадьба! Это так здорово – праздновать на пароходике. Вы-то как с Владом решили? Да не красней ты, я давно в курсе. Нашлись добрые люди, сама понимаешь. Да я и не в обиде даже. А что? Он хороший парень. Москвич. С профессией правда просчитался – ты ему скажи, ну какие нафиг филологи? Мне знающие люди подсказывают, скоро очень востребованы будут физики-ядерщики. Хотя они и сейчас востребованы. Но там такой замут намечается с этим... мирным атомом... Лучше на облако посмотри. Галь, посмотри какое облако! На морду собачью похоже. Вот уши, висячие – спаниель. Спаниель-облако. Ха-ха. Внизу запели. Галя недовольно покосилась в сторону леса. Пьяные подростки нестройно выводили: «Мама – анархия, папа – стакан портвейна».

- Поют. Что ты морщишься? Будто не помнишь как сама на первом курсе с Люськой горланила «Звезду по имени Солнце» в четыре часа утра. Не помнишь. У вас, живых, такая память плохая... а вид, Галюнь, действительно ошеломительный. Четырнадцатый этаж. Я когда прыгнул – мне ветер в лицо, дождь в лицо – а так свободно, Галь. Лечу – а в голове мыслей нет, я раньше думал, они будут – а их нет. Только шум. Такой – чух-чух-чух. Как электричка. А когда упал, лежу, смотрю – а в небе спаниель-облако. И Люська прямо на меня летит. Я удивился – мы же с ней не сговаривались. Я думал, она спит. Ты спала, Влад спал, Саня спал. А она – нет. Так ведь получается?

Кха-кха.

- Здесь прикольно. Только непривычно. я даже не понял, что умер. Трясло правда страшно. Как на американских горках. А потом еще дней девять будто в шейкер поместили и трясли – как коктейль готовили. А потом выпустили... Галь, такая легкость. Будто я облако. Будто я перышко. Будто я маленькая рыбка. Жалко, ты меня не видишь. Зрение у вас еще не развито – ничего, знающие люди говорят, что лет через сто будет повторная эволюция. Подождать только надо... Вы, живые, такие смешные – светитесь голубым. Чуть-чуть. Но смешно так. Будто инопланетяне. Только память у вас плохая.

Кха-кха.

- Галь, это бронхит. Сто процентов

На этот раз рубрика «Выбор читателя» имеет два раздела: проза и поэзия.

Проза

Валерия Семеркина

Перелистай Память

Перелистай память, вспомни себя ребёнком. Вспомни своё первое свидание с божьей коровкой. Вот тот, который растоптал, - не напрягайся, не поймёшь, а ты давай вспоминай-вспоминай.

Помнишь, каким чудом она была тогда? Такая маленькая, красненькая букашечка с такими черненькими точечками и малюсенькими усиками. Помнишь, как она бегала по твоей ладошке и щекотала твои пальчики.

А когда вдруг полетела - сколько было восторгу! Ну, что - вспомнил? И ... где этот Восторг сейчас?! Разве букашечка изменилась?! Нет... А ты?!

Ах, ну да, ну да, конечно, ты же вырос и тебе совсем уже не до них... Понимаю: дела, работа, суета, куда-то спешим, куда-то опаздываем. Да уж эта беспардонная Суета совсем сожрала твой детский Восторг Миром!

А ты остановись, но хотя бы на минуточку, перелистай память и вспомни тот детский Восторг Миром. Ведь этот забытый тобою Восторг Миром спасёт твой взрослый суетный Мир и тебя...

Евгений Скорняков

Даля Секунды

Я спустил курок... Не думал, что это будет так просто... Пуля уже летит по "коридору" прямо к моей голове. Маленький билет на тот свет. Надеюсь, смерть будет быстрой. И мне кажется, сейчас самое время подвести итоги. Хотя... И правду говорят, перед смертью вся жизнь пролетает перед глазами. Вот мне 10 лет. Очередная потасовка, из которой я вновь выхожу победителем. Меня боялись... А что ещё делать? Или ты, или они... И ничего я не сделал в эти годы. Это можно списать на возраст. Я пока ничем никому не обязан. Потом ВУЗ. Потом работа. Взлёты и падения. Неудачи и... успехи. Эти неудачи длились довольно долго... И их всех с лихвой перекрыло моё несостоявшееся счастье. Лалита... Не думал, что простая встреча взглядов перерастёт в нечто большее. Почему несостоявшееся? Она на волосок от смерти. Рак крови. Доктор сказал, что ей не жить. Всё, безнадежно... Любовь не спасла её... Стоп! А почему, собственно, любовь должна её спасти? Я! Ведь она ещё жива! Так какого чёрта я сижу тут?! Я должен быть рядом с ней! Никто, кроме меня не поможет, никто! Ей нужна моя помощь! Ай!.. Что за жуткая боль в виске? Пуля! Она только-только долетела! Нет, стой, СТОЙ!!! Я жить решил! НЕТ!!! Чёрт... Не останавливается, да чего ещё от неё ждать... Дура, она и есть дура. Всё глубже и глубже она проходит в мою голову. Господи, до чего ж медлительна смерть... И мучительна, особенно когда решил жить.

Лариса Финкель Шмулензон, сват Штольца

Иван Иванович Штолец, врач по образованию, в молодые годы долго выбирал себе невесту. Являясь чистокровным немцем, был слишком требовательным к своим избранницам. Классическая формула для женщин Германии прошлого века, сводилась к трём «к»: „Kinder“, „Kuche“, „Kirche“ - дети, кухня, церковь.

Вот к такой, или приблизительно такой формуле и стремился доктор Штолец. Девушка должна была быть образована, хозяйственна, по возможности красива и главное условие – в будущем- хорошая мать.

Естественно, найти такой идеал быстро не получилось, да в принципе, куда спешить.

Жену выбирают одну – и на всю жизнь! И нашёл. Пышненькую, сероглазую, отменную хозяйшку.

Мария, супруга Штольца, в скором времени, с разницей в два года, родила двух чудных девочек – Анну и Элизабет.

Иван Иванович тайно мечтал о сыне, представляя его в будущем обязательно военным врачом... Но родились девочки и старшая стала, как отец, хирургом, а младшая обрела профессию – фармацевт.

Пришло время дочерям выходить замуж. Первой, как ни странно, пошла под венец младшая, Элизабет – шикарная свадьба, венчание, кукла на машине, море цветов и подарков, свадебное путешествие в Коктебель. Всё как положено, всё как должно быть...

Старшая же, Анна, разрушила все планы заботливого папеньки. Приехав к своим родителям в село Ивановку для знакомства с будущим зятем, Анна и представить себе не могла, что у отца будет такая реакция!

Когда жених с невестой появились на пороге дома, глаз опытного хирурга оценил всё молниеносно, а сам он чуть не лишился чувств...

Будущий зять, на голову ниже своей избранницы, был лысоват, чёрные курчавые волосы обрамляли, как нимб затылок, типичный «еврейский шнобель» и с пышной растительностью на груди, которая пучком торчала из расстёгнутой рубашки.

«Портрет» - впечатляющий! Если добавить, что будущий зять имел ещё и фамилию «Шмулензон», то всё ранее описанное, становится понятным.

«Шмулензон Лев Борисович!»-представился жених, картавя на единственной букве "р" в трёх словах приветствия.

От всего увиденного Штолец чуть не получил инфаркт!

«Доченька – уединившись на летней веранде, заботливый отец спросил Анну – ты случайно не беременна? Может, это главная причина твоего замужества?»

«Ну, пап, ты скажешь! Мы с Лёвой детей и не планировали даже. Рано. Сначала – карьера, а потом подумаем и о наследниках. А ты, кстати, знаешь, сколько девушек на факультете, моему Шмулензончику глазки строили?»

«У них, вероятней всего – косоглазие!» - ворчал отец.

И сколько ни охал, как долго ни ахал Штолец, вопрос был решён – дочь Анна выходит замуж.

Но прежде чем сыграть свадьбу, необходимо выполнить классический ритуал – знакомство со сватами...

Семейство Шмулензон жило на берегу Чёрного моря, в небольшом курортном посёлке Каролина - Бугаз, что находится в Одесской области Украины.

«Бугас» - в переводе с турецкого означает «сыпучий песок», а Каролина – имя Польской графини Собаньской, родственницы Оноре де Бальзака и хорошей приятельницы А.С.Пушкина.

Штолец так не хотел ехать, да ещё на две недели... Дочь Анна предупредила:

«А раньше вас с мамой Лёвины родители и не отпустят! У них там хорошо – просторный дом, море, фрукты, вино. Вот увидишь, тебе и уезжать не захочется!»

«Твои слова, да Богу в уши».

Как только дед Шмулензона Бориса Семёновича, построил тогда ещё небольшой домик на берегу Чёрного моря, так сразу и перевёз свою большую родню, жившую в пригороде Киева.

«Море кормит. А рыбы в море – на всех хватит!»

Сколько рыбы пересчитала бабушка за всю свою долгую жизнь, не подсчитать...

Тонну, да ещё и не одну!

Борис Семёнович, рано потерявший отца во время войны, был воспитан мамой. Еврейской мамой. Вейз мир! Первый персик – Борюсечке, горячий пирожок – любимому мальчику...

Жену Борис подбирал тоже под стать своей маме – громкоголосую, энергичную, умелую.

Работая шофёром на туристическом автобусе, он как то повредил ноготь на пальце ноги, идти к врачу было некогда, вот он и заглянул в педикюрный кабинет ближайшей парикмахерской. И встретил там свою будущую любовь – Софочку. Он и представить себе не мог, в каких местах можно познакомиться с будущей женой!

Нежные ручки девушки, а потом и всё остальное, так понравились Борису, что он буквально через месяц повёл знакомить её со своей мамой.

И, естественно, получил благословение на брак. Вот, от Бориса и Софьи получился будущий зять Штольца – Шмулензон Лев Борисович. У Лёвы ещё была старшая сестра – Белла, но она жила в Москве, крепко «стояла» в столичном мегаполисе и лишь на школьные каникулы отправляла своего сына Яна к родителям на всё лето.

«Кому Ян, а кому и Яша» - ворчал Борис Семёнович. Десятилетний мальчик, воспитанный интеллигентными родителями, успешно учившийся в элитарной гимназии Москвы, за первую же неделю пребывания у бабы с дедом, «сбрасывал» всю напыщенность, которую впитал за целый год в столице, и приобретал в этой украинско-еврейской атмосфере – совершенно новые для него нотки образования...

Борис Семёнович увидев, что его Яшенька читает Пушкина, позвал супругу: «Софочка, ты посмотри - лето, море, а наш красавец, чтоб он был здоров, читает Пушкина! Это он в меня»...

«Боря, не болтай ерундой! Ты в своё время из всех книжек прочёл только «Сберегательную»!

«Яшенька, - не унимался дед - это тебе задали на лето? Что, выучить наизусть? Так ты знаешь, как сделать, золотой ты мой, чтобы легче было запомнить стих, по памяти запиши его в тетрадку. Так будет легче запомнить. Я, например, всегда на трассе записывал номер ГАИшника, чтобы хорошо запомнить – кому уже заплатил, срабатывало – без проблем».

Через час, держа в руках тетрадку, исписанную рукой любимого внука - поэма Пушкина "Руслан и Людмила", Борис Семёнович прочитал:

«И днём и ночью кот учёный, всё ходит поц, и пи кругом»...

«Софа, ты послушай, шо написал наш умник!»

«Ничего особенного – мальчик не там поставил запятую»- защищала своего единственного внука бабушка.

«Нет, ты посмотри, - Борис расцвёл в улыбке – парень, обитающий в России - знает это слово из трёх букв! Мой внук, живущий в двадцать первом веке, не забыл свой родной язык!»

В вагоне поезда Иван Иванович всю дорогу спал. Взяв отдельное купе, вместе с дочерью и будущим зятем, Штолец лишь пару раз поднимался со своей полки, чтобы покушать и привести себя в порядок. Радовало одно – целые сутки можно было бездельничать...

Что то подобное было у него в 1959 году, когда, сломав ногу, он отлёживался дома.

Семья Шмулензонов встретила гостей радушно – шикарно накрытый стол ломился от таких блюд, о которых доктор даже и не слышал: муфлета, кугол, хоменташен, мацебрай...

Славно потрудились хозяйюшка на кухне!

Сердце Штольца потихоньку начало оттаивать.

Утром все отправились на море. День выдался жарким и за разговорами, да ещё с вином, закусками, день пролетел быстро. Естественно, Иван Иванович обгорел!

Весь следующий день, обмазанный кефиром, он бездельничал – осматривал поросят в сарае, гулял по огромному тенистому саду, посмотрел – как растут арбузы на огороде.

«Борис Семёнович, а если я пройду по этой дорожке, то попаду в вашу теплицу?»

«Дорогой сват, даже если вы и не пройдёте по этой дорожке – теплица будет стоять именно там!»

«Энциклопедия афоризмов» - отметил Штольц, но вслух ничего не сказал.

Софочка, хлопоча по хозяйству, умудрялась как Гай Юлий Цезарь, выполнять одновременно бесчисленное количество дел – на плите варился куриный бульон с фасолью, поднялось тесто для пончиков, в огороде нужно было сорвать огурчиков для салата, а на веранде, блаженствуя в тёплой воде, отмачивала ноги для предстоящего педикюра, очередная клиентка...

«Софочка, пора? Я сижу уже целый час!»

«Кларочка, у вас же мозоли, пусть они отмокнут, чтоб они совсем отвалились – я имею в виду мозоли».

«Кстати, Софа, я вчера была у дочери в Одессе и там встретила Сару, бывшую вашу соседку – с мужем. Идут, нарядные! Я и спрашиваю у неё: «У вашего мужа, Сарочка, новый костюм?» И знаете, что она мне ответила? «Нет, это мой новый муж!»

Шмулензон решил показать свату - знаменитый Одесский «Привоз»!

Штольц с удовольствием согласился, он много о нем слышал, но никогда там не был.

«Привоз» поразил гостя своим размахом. Такого изобилия продуктов в своей Ивановке, доктор никогда не видел! Мясные ряды - с копчёными балыками, грудинками, рульками, салом...

Молочные ряды – жирный творог, сметана, ряжанка, сыры сулугуни, брынза... И всё это великолепие продавцы давали пробовать – совершенно бесплатно!

А бочки с квашеной капустой, мочеными яблоками, солёные огурцы, помидоры, арбузы...

Прилавки со свежей рыбой, мясом, птицей...

«А чем вы кормили свою курочку?» - обратился Борис Семёнович к молодой продавщице.

«А вам зачем?»

«Хочу так же похудеть!»

Гость аж вспотел прогуливаясь вдоль прилавков!

«Борис Семёныч, давайте я что то куплю на обед, а то мы только пробуем и пробуем...»

«Дорогой мой сват, поход на «Привоз» - это ритуал! Сюда ходят гулять, дышать этим воздухом, встречаться со знакомыми и опять идти пробовать».

Пролетела неделя. Штольц в гостях поправился на пять кг. Да и не мудрено – за семь дней пребывания у Шмулензонов, он уже знал - чем отличается борщ "Украинский" - от борща "Московского", в рецепт которого входит копчёная грудинка!

«Нет, так больше нельзя!» - решил гость и стал по утрам совершать пробежки. Каждое утро его встречала собака хозяев, живущая во дворе. Вот так вдвоём, они и бегали.

«А почему ваш пёс как то странно рычит, не «р-р-р», а «г-г-г» - картавит!» - спросил Иван Иваныч.

«Ну, есть же выражение: с кем поведёшься»...

За два дня до отъезда, Шмулензон приготовил гостю подарок – экскурсию в знаменитые шабские винные подвалы.

В 6 км от Каролины – Бугас расположено село Шабо, знаменитое своими коллекционными винами.

Штольц зашёл в эти винные подвалы своими ногами, а вот как его оттуда вынесли, не помнил!

На следующее утро, получил от Бориса Семёновича «комплемент»:

«Тоже мне доктор! Ты шо, совсем пить не умеешь?» Они уже перешли на «ты».

«Да понимаешь, вино такое сладенькое, холодненькое, как компот, я пью, а тут раз – и свет отключили!»

Целый день провёл «приболевший» доктор в саду на раскладушке, как «тяжелобольному», еду ему приносили в постель...

А вечером собрались родственники и соседи, чтобы проводить дорогих гостей и выпить "на посошок".

Стол так же ломился от вкусных блюд, все пили знаменитый «шмулензонский самогон», но доктор ни пить, ни есть уже не мог - только смотрел на родственников с любовью и признательностью.

А когда запели «Подмосковные вечера», с буквой «г» вместо «р», Иван Иванович прослезился... Он уже, так и да, не хотел уезжать из этого гостеприимного дома своих новых родственников.

Сидя в вагоне поезда, который мчался обратно в его Ивановку, в купе, где не видно было даже окна – так Шмулензоны заговарила подарками и провизией на дорогу дорогих гостей, Иван Иванович Штольц, когда его зять вышел покурить, сказал дочери:

«Ты своим профурсеткам надень чёрные очки!»

«Кому, пап?»

«Подружкам своим»...

«А зачем моим подружкам – чёрные очки?»

«Чтобы они нашему Лёвочке не строили глазки! А то я им, как хирург, лично, сделаю искусственное косоглазие...»

чтобы думать, что стало в конце.

Выбор имени

Поэзия

Луиза Мухарова

P.S.

Взад-вперёд хожу по улице имени тебя,
с утренним чаем/кофе в руках.
Завершённая любовь (в скобках судьба)
совершенная любовь творит чудеса.
Взад-вперёд и с собой говорить по душам,
толерантность не в счёт, с ней не модно дружить.
Сто открыток, хранящих твой бешенный шарм,
пара слов от которых мне хочется выть.
Взад-вперёд, о тебе не узнает никто,
а мне хочется крикнуть до самой луны,
чтобы самый-пресамый в стране идиот
подошёл и сказал: я умнее, чем ты!
пи.си.

И я пишу тебе на стене дома, на самой дверце:
моё небо там, где твоё сердце,
живое, жадное, приправленное жгучим перцем.

Три родинки

Три родинки на левой щеке,
такой нежной,
что хочется впитаться губами
и не отпустить.
Это так ненормально.
Я полюбила бледность
твоих тонких пальцев,
я научилась себя терять.
Твои жесты и образ
находят место в
изначально другой мне.
Весна, Питер,
погоды стержность
ломает меня, собаку.
В окне
такая срочная важность
увидеть,

где худоба отразилась
в тебе вновь,
и сказать, что готова,
что сырость
не заставит топить любовь,
что я снова имя рисую
на тыльной стороне руки,
что подушка твоя уже
не примет
округлость
Моей
головы,
а мы когда-нибудь встретимся снова
в магазине, где финский акцент.
Слишком много было вначале,
чтобы думать, что стало в конце.

Наши контакты:

Сайт - <http://gazeta.atakasov.pp.ru>

Форум - <http://gazeta.atakasov.pp.ru/forum/index.php>

Группа вКонтакте - <http://vkontakte.ru/club5903087>

Наша страничка на сатй прозаюру -

<http://www.proza.ru/avtor/gazetabuk>

Наша страничка рна сайте Стихиюру -

<http://stihi.ru/avtor/gazetabuk>